92 4/88

ЕРМАКЪ

или

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

XVI СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ПАВЛА СВИНЬИНА.

Часть первая. -2,

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1834.

ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

XVI СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ПАВЛА СВИНЬИНА.

Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ Полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
И славы лучь твоей зашмишся;
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалишся
И время на косу падетъ!

И. И. Дмитріевъ.

Часть первая. – 2

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.

1834.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были три экземпляра въ Цензурный Комитетъ. Санктпетербургъ, 9 Февраля 1834 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 313153
193 г.

Ея Сіятельству

ГРАФИНѢ

СОФЬѢ ВЛАДИМІРОВНѢ

СТРОГОНОВОЙ.

Милостивая Государыня,

Графиня Софья Владиміровна!

Посвящая Вашему Сіятельству новое произведеніе слабаго пера моего: Историческій Романъ, Ермакъ или покореніе Сибири, *я исполняю двоякій долгъ свой: долгъ человѣка, питающаго къ особѣ вашей чувства отличнаго почтенія, и гражданина, желающаго симъ приношеніемъ исполнить дань признательности къ фамиліи, столь много споспѣшествовавшей покоренію царства Сибирскаго, фамиліи, коею долженъ гордиться всякій Русскій.*

Со всѣмъ тѣмъ, я не дерзнулъ бы украсить трудъ свой почтеннѣйшимъ именемъ Вашего Сіятельства, зная тонкость и разборчивость вкуса вашего въ литтературѣ, если бъ въ тоже время не зналъ и снисходительности Вашей ко всему отечественному, и если бъ въ Романѣ семъ не занимали самое почетное мѣсто знаменитые Строгоновы.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,

Вашего Сіятельства,

Милостивая Государыня!

покорнѣйшимъ слугою

Павелъ Свиньинъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Мудрено повѣришь, что событіе, подобное завоеванію Сибири, заслужило только нѣсколько страницъ въ Исторіи Государства Россійскаго; хотя повидимому, оно во всѣхъ отношеніяхъ представляло достойное поприще глубокомыслію и витійству Карамзина. Кажется непостижимымъ, почему знаменитый Исторіографъ нашъ не воспользовался симъ великимъ событіемъ, удивившимъ Европу,

не менѣе завоеванія Америки, и не далъ свободы неподражаемому перу своему, чтобъ превзойти въ краснорѣчіи дѣписателя открытія Новаго Свѣта? Но удивленіе прекратится, когда узнаемъ на опытѣ скудость, невѣрность и безжизненность матеріаловъ, коими долженъ былъ Исторіографъ ограничиться. Скажемъ даже, что удивленіе наше увеличилось къ таланту, умѣвшему изъ хаоса противорѣчій и темныхъ преданій, извлечь столько важныхъ истинъ, и составить столько прекрасныхъ картинъ, ибо по обязанности Историка, Карамзинъ долженъ былъ каждое слово свое подкрѣплять документами, каждое опредѣленіе основывать на свидѣтельствѣ неоспоримомъ, очищенномъ критикою!

Лѣтописи же о завоеваніи Сибири противорѣчатъ однѣ другимъ, начиная съ положительныхъ началъ, до малѣйшихъ подробностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ не заключаютъ въ себѣ ни одной изъ сихъ послѣднихъ, по которой бы Историку можно было представить вѣрную картину сего великаго событія, или обрисовать хотя поверхностно Исполиновъ, совершившихъ столь великое дѣло! Всякому Русскому, думаю, всякому космополиту желалось бы познакомиться ближе съ завоевателями Сибири: Строгоновыми, Ермакомъ, Кольцомъ, Грозою, Паномъ и Мещерякомъ; но современные ихъ бытописатели не оставили намъ красокъ для ихъ портретовъ, и знаменитая эпоха сія утратилась даже въ самыхъ преданіяхъ.

По крайней мѣрѣ мнѣ стоило большаго труда на самомъ мѣстѣ собрать нѣсколько подробностей, нѣсколько повѣрій; я радовался какъ пріятнѣйшему открытію, какъ счастливой находкѣ — малѣйшей догадкѣ, раждавшейся при ближайшемъ наблюденіи слѣдовъ Ермакова похода, самыя сказки были для меня нерѣдко лучемъ истины, или очарованіемъ поэзіи! Одна только природа — природа единственная, величественная — мало измѣнилась въ Сибири и съ правдоподобностію переносила мое воображеніе въ знаменитую эпоху завоеванія полночнаго Царства. Можетъ быть объ этотъ камень, мечталъ я, ударялась также ладья Ермака, когда боролся онъ съ стремнинами Чусовой, можетъ быть, онъ сидѣлъ подъ

этою лиственницею, на этомъ холму близъ Тагила — полонъ думъ великихъ? И если мечты сіи доставляли мнѣ тогда особенное наслажденіе, що шеперь, когда я предпринялъ представить въ живой картинѣ покореніе Сибири, — онѣ сдѣлались для меня драгоцѣнными, необходимыми. Такимъ образомъ преданія о Князѣ Сицкомъ, сражавшемся въ рядахъ завоевателей Сибири, подъ славнымъ именемъ Атамана Грозы, объ усердіи Шамана къ Русскимъ, не мало содѣйствовавшемъ Ермаку въ покореніи дикарей, о мстительности Мещеряка, объ орлѣ, упавшемъ къ ногамъ завоевателя Сибири въ минуту рѣшимости храброй дружины на сіе великое дѣло, о любви Грозы къ Великѣ, нѣсколько мѣстныхъ свѣдѣній о

Строгоновыхъ и Кучумѣ, преданіе о названіи Орла-Городка, и т. п. подали мнѣ возможность, выполнить мое предпріятіе, если и несовершенно, — то по крайней мѣрѣ достаточно для того, чтобъ извлечь изъ мрака великіе характеры, которые вообще соединяя съ доблестями и добродѣтелями слабости и недостатки человѣчества, бываютъ столь драгоцѣнны — для Романиста, привлекательны — для читателя!

Разсмотрѣвъ безпристрастно покореніе Сибири козаками, найдешь его еще удивительнѣе, еще чудеснѣе завоеванія Америки Пизарромъ и Кортесомъ. Правда, огнестрѣльное оружіе и устройство войска дѣлали рѣшительный перевѣсъ и на сторону козаковъ, коихъ дикіе шакже сна-

чала почитали за непобѣдимыхъ и безсмертныхъ; но очарованіе сіе умалялось по мѣрѣ ихъ приближенія къ столицѣ Сибири, ибо какъ извѣстно, Кучумъ защищалъ ее пушками. И шакъ убійственное дѣйствіе и громъ пороха не были главною причиною дивныхъ побѣдъ Ермака, а главная причина оныхъ заключалась въ личныхъ его доблестяхъ и мужествѣ его сподвижниковъ.

Почту себя весьма счастливымъ, если успѣю здѣсь доказашь то и другое на самомъ дѣлѣ. Для полноты же каршины считаю неизлишнимъ присовокупишь крашкую выписку изъ Исторіи Карамзина, касашельно первыхъ свѣдѣній Россіянъ о Сибири.

«Сіе неизмѣримое пространство Сѣверной Азіи,» говоришъ онъ,

«огражденное Каменнымъ поясомъ, Ледовитымъ моремъ, океаномъ Восточнымъ, цѣпію горъ Алтайскихъ и Саянскихъ, — отечество малолюдныхъ племенъ Могольскихъ, Татарскихъ, Чудскихъ и Американскихъ, укрывалось отъ любопытства древнихъ Космографовъ. Тамъ, на главной высотѣ земнаго шара, было, какъ угадывалъ великій Линней, первобытное убѣжище Ноева семейства послѣ гибельнаго, всемірнаго наводненія; тамъ воображеніе Геродотовыхъ современниковъ искало Грифовъ, стрегущихъ золотое руно; но Исторія не вѣдала Сибири до нашествія Гунновъ, Турковъ, Моголовъ на Европу; предки Аттилины скитались на берегахъ Енисея; славный Ханъ Дизавулъ принималъ Юстиніанова Санов-

ника Земарха въ долинахъ Алтайскихъ; послы Иннокентія IV и Святаго Людовика ѣхали къ наслѣдникамъ Чингисовымъ мимо Байкала, и несчастный отецъ Александра Невскаго падалъ ницъ предъ Гаюкомъ въ окрестностяхъ Амура. Какъ данники Моголовъ, узнавъ въ XIII вѣкѣ югъ Сибири, мы еще ранѣе, какъ завоеватели узнали ея Сѣверо-Западъ, гдѣ смѣлые Новогородцы уже въ XI вѣкѣ обогащались мѣхами драгоцѣнными. Въ исходѣ XV столѣтія, знамены Москвы развѣвались на снѣжномъ хребтѣ Каменнаго пояса, или древнихъ горъ Рифейскихъ, и Воеводы Іоанна III возгласили его великое имя на берегахъ Тавды, Иртыша, Оби, въ пяти тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы.

Уже сей Монархъ именовался въ своемъ титулѣ *Югорскимъ*, сынъ его *Обдорскимъ* и *Кондійскимъ*, а внукъ *Сибирскимъ*, обложивъ данью сію Могольскую или Татарскую Державу, которая составилась изъ древнихъ улусовъ Ишимскихъ, Тюменскихъ или Шабанскихъ, извѣстныхъ намъ съ 1480 года и названныхъ шакъ, вѣроятно, по имени брата Батыева, Шабана, Единовластителя Сѣверной Азіи, на востокъ отъ моря Аральскаго.

« Но еще господство наше за Каменнымъ поясомъ, было слабо и ненадежно. Кучумъ, овладѣвъ Сибирью, искалъ благоволенія Іоаннова, когда еще опасался ея жителей, насильно обращаемыхъ имъ въ Магометанскую вѣру и Ногаевъ, друзей Россіи; но утвер-

дивъ власть свою надъ Тобольскою Ордою, перезвалъ къ себѣ многихъ степныхъ Киргизовъ, и женивъ сына Алея на дочери Ногайскаго Князя Тинъ-Ахмаша, уже не исполнялъ обязанностей нашего данника, тайно сносился съ Черемисою, возбуждалъ сей народъ, свирѣпый къ буншу, противъ Государя Московскаго, и подъ смертною казнію запрещалъ Остякамъ, Югорцамъ, Вогуличамъ, платить древнюю дань Россіи.

«Царь Іоаннъ Васильевичь, озабоченный важными, непрестанными войнами, не могъ распространить ни власти своей надъ отдаленною Сибирью, ни наказать Кучума. Онъ уступилъ сіе такъ сказать Строгоновымъ, богатѣйшимъ вельникамъ того края, позволивъ имъ строить крѣпости

въ землѣ Сибирской, чтобы стѣснишь Кучума въ его собственныхъ владѣніяхъ, и навсегда утвердишь безопасность нашихъ. Въ 1574 году онъ даровалъ имъ жалованную грамоту на землю непріятельскую. »

Послѣдствія доказали, съ какою пользою и славою умный Строгоновъ воспользовался сею Царскою милостію, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ рѣшительно сказать, что безъ руководства его и пособій, предпріимчивость и отважность Ермака, и храбрость его дружины, остались бы безъ успѣха.

Послѣ сего трудно повѣрить, что въ великомъ множествѣ разнаго рода бумагъ, находящихся при Конторахъ Строгоновскихъ помѣстьевъ и заведеній, не отыс-

калось доселѣ никакихъ актовъ, касающихся до похода Ермака, по коимъ бы можно было сдѣлать сводъ Сибирскихъ лѣтописей, приводящихъ *прошиворѣчіями* своими въ *недоумѣніе* не только Историка, но Романиста, желающаго основать свое повѣствованіе на истинахъ историческихъ. Не отыскалось актовъ, по коимъ бы можно было рѣшить, которой вѣрить изъ извѣстныхъ лѣтописей: *Строгоновской*, Есиповской или *Ремезовской*, *различествующихъ между собою* въ самыхъ главныхъ показаніяхъ. Такъ напримѣръ, по показанію второй и послѣдней, (коимъ слѣдовали Миллеръ и Фишеръ) Ермакъ привелъ къ Строгоновымъ дружину, простиравшуюся до 7000 человѣкъ, а слѣдуя первой, коей держался

Карамзинъ, она не превышала 840 ч. Стольже великая разница значится во времени сей великой эпохи. Послѣдователи Тобольской лѣтописи утверждаютъ, что Ермакъ пришелъ къ Строгоновымъ въ 1577 году, а Сибирская лѣтопись означаетъ 1579 годъ, — годомъ ихъ пришествія. Первыя говорятъ о двухъ походахъ козаковъ отъ Строгоновыхъ, а послѣдняя объ одномъ. Но какъ въ шѣхъ, такъ и въ другихъ столько несообразностей съ мѣстными обстоятельствами, что должно было имѣть большое терпѣніе, чтобъ извлечь истину, согласить разногласія. — Возможно ли напримѣръ, чтобъ Ермакъ, отправляясь на покореніе Сибири, не узналъ предварительно сего пути, или чтобъ Строгоновы не дали ему свѣдущихъ

провожатыхъ, тѣмъ болѣе, что Сылва и Чусовая давно были ими извѣданы, и они имѣли даже селенія на той и на другой? Подобная несообразность усматривается въ Сибирской или Строгоновой лѣтописи, гдѣ сказано:

«Въ лѣто 34 (1582) Сентября «въ 1 день, на память Преподоб- «наго отца нашего Сумеона Столп- «ника, послаша изъ городковъ сво- «ихъ Семенъ, и Максимъ, и Ни- «кита Строгоновы, въ Сибирь на «Сибирскаго Солтана Волскихъ «Атамановъ и козаковъ Ермака «Тимоѳеева съ товарищи и проч., «и того же Сентября въ 9 день, «на память Богоотецъ Іоакима и «Анны, пріидоша воини въ ту «Сибирскую землю безстрасни, «и многіе Татарскіе городки и «улусы повоевали, внизъ по Турѣ,

«и дойдоша до Тавды рѣки въ «мужествѣ, и на усть той рѣки «наймаше Тапаръ.»

Стало быть Ермакъ перешелъ болѣе 600 верстъ, поднявшись по Чусовой, противъ ея теченія бурнаго, сильнаго, переправился чрезъ горный хребетъ, построилъ городокъ, взялъ многіе Тапарскіе городки и селенія — въ 8 дней! И это называется лѣтописью историческою, и по этой лѣтописи пишутъ слѣпо Исторію. Самая смерть Ермака представлена въ нихъ разнообразно, не удовлетворительно, и оставляется на размышленія и догадки, сообразныя съ мѣстностію и обстоятельствами!

Авторъ сего романа старался, по возможности, пользоваться тѣмъ и другимъ, и ласкаетъ себя

надеждою, что читатели, между прочимъ, найдутъ въ немъ удовлетворительное разрѣшеніе причинъ, самыхъ повидимому чудныхъ, несбыточныхъ происшествій, равно какъ и безсмертныхъ подвиговъ и неудачь его Героевъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Введеніе..... IX.

ГЛАВА I.

Раздоры, главный городъ или столица Донскихъ козаковъ въ XVI столѣтіи. — Царская опала на козаковъ. — Дѣвишникъ у Атамана Луковки. — Таинственный гость. — Неразгаданный удалецъ..... 1.

ГЛАВА II.

Опричники увлекаютъ Митрополита Филиппа изъ обители Св. Николая Стараго. — Негодованіе и скорбь народа. — Опала на родственниковъ и друзей Святителя. — Атаманъ Луковка пируетъ у Князя Ситскаго. — Заочная помолвка. — Заточеніе Ситскаго въ Соловки ..... 33.

Стр.

ГЛАВА III.

Страшная ночь на кладбищѣ. — Велика у могилы своей матери. — Встрѣча любовниковъ. — Совѣтъ Ермака съ Кольцомъ. — Самозванецъ открытъ ..... 49.

ГЛАВА IV.

Рать Московская у Раздоровъ. — Мещерякъ подозрѣвается въ измѣнѣ. — Московскій посланецъ. — Кругъ на Майданѣ. — Московецъ требуетъ выдачи головъ опальныхъ Атамановъ. — Ропотъ. — Отвѣтъ, произнесенный Ермакомъ. — Объявленіе войны Царю Московскому. ..... 73.

ГЛАВА V.

Раздоры раззорены войскомъ Іоанна Грознаго. — Ермакъ съ дружиною укрывается въ подземельѣ. — Очаровательная пещера. — Раненый Гроза. — Вѣроломство Мещеряка. 87.

ГЛАВА VI.

Бесѣда Ермака съ Грозою. — Мнимоумершій. — Жалобы на бездѣйствіе Ермака. — Шаманъ. — Колдовство. — Гроза ожилъ. 105.

Стр.

ГЛАВА VII.

Дѣйствія Ермака. — Охота. — Чудный звѣрь. — Открытіе опасности. — Гроза сбился съ пути и пропалъ безъ вѣсти .... 127.

ГЛАВА VIII.

Неожиданный приходъ Мещеряка въ подземелье. — Оно оставляется козаками. — Картина живописной Башкиріи. — Пожаръ. — Аулъ. — Дервишъ. — Вѣсти о Великѣ. — Предложеніе Дервиша ..... 149.

ГЛАВА IX.

Козни Мещеряка. — Встрѣча Ермака съ Грозою. — Страданія Грозы въ плѣну у Башкирцовъ. — Шаманъ спаситель. — Брязга возвращается изъ великой Перми. — Дары Строгоновыхъ. — Злые умыслы Мещеряка..... 195.

ГЛАВА X.

Буря. — Совѣщаніе злодѣевъ. — Зажигательство. — Неудача. — Кругъ. — Рѣчь Ермака къ Дружинѣ. — Воззваніе Строгоновыхъ къ козакамъ. — Нерѣшимость дру-

Стр.
жины. — Приплворство Мещеряка. — Козаки убѣждены Ермакомъ итти на Кучума. — Счастливое предзнаменованіе. — Предсказаніе Шамана ..... 203.

ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ГЛАВА I.

Раздоры, главный городъ или столица Донскихъ козаковъ въ XVI столѣтіи. — Царская опала на козаковъ. — Дѣвишникъ у Атамана Луковки. — Таинственный гость. — Неразгаданный удалецъ.

На низменномъ острову, образовавшемся изъ соединенія Сѣвернаго Донца съ Дономъ, видно было нѣсколько сотъ землянокъ, мазанокъ и избъ, обнесенныхъ частымъ высокимъ тыномъ, со сторожками по угламъ. Это былъ въ XVI столѣтіи главный городъ или Войсковая станица Донскихъ козаковъ, назы-

ваемая ***Раздорами.*** Одно уже названіе Раздоры, нѣкоторымъ образомъ, объясняетъ предметъ основанія столицы удалыхъ наѣздниковъ, и дѣйствительно, не красота мѣстоположенія, не изобиліе въ продовольствіи, или какія другія выгоды заставили козаковъ предпочесть сіе мѣсто всѣмъ другимъ станицамъ; нѣтъ! одно сосѣдство съ Азовцами, мужественными, дерзкими и неутомимыми ихъ врагами, было приманкою для ***отвагъ*** (1), стекавшихся сюда отто всюду — вкусить сладость войны безпрерывной, неумолкаемой, испытать прелести опасностей и осторожности днемъ и ночью, насладиться безропотнымъ перенесеніемъ всѣхъ возмож-

(1) *Отвагами* назывались у Донцевъ храбрецы, люди, ищущіе опасностей и подвиговъ, подобно странствующимъ рыцарямъ Среднихъ вѣковъ.

ныхъ недостатковъ, трудностей, ужасовъ и смертей .... Раздоры, населенныя столь отчаянными Головами, служили стражею и оплотомъ не только для всей Донской области, но и для Россіи, со стороны самыхъ хищныхъ ея сосѣдей: Турокъ, Крымцевъ, Ногайцевъ и Черкесовъ (*).

Вотъ причина, почему Русскіе Государи дорожили существованіемъ Донцевъ и не столь были строги и взыскательны къ нимъ, сколько они заслуживали своими разбоями по Волгѣ, кои не мало препятствовали распространенію восточной торговли, дѣлавшейся часъ отъ часу выгоднѣе для Государства, особенно послѣ покоренія Астрахани. Сколько разъ козаки бдитель-

(*) Нерѣдко козаки напоминали Государямъ Русскимъ, что сторожатъ ихъ древнее достояніе — *Тмуторакань.*

ностію своею, предупреждали, или останавливали опустошительные набѣги дикихъ варваровъ на Украйну. Едва *прикормленные* люди (1) подавали вѣсть изъ Азова, что Татары хлынули на Русь, — нѣсколько сотъ или тысячъ отважныхъ наѣздниковъ бросаются на переправы и броды, залегаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ, и, выждавъ врага, вымѣщаютъ ему кровію за раны Отечества, берутъ у него плѣнниковъ и награбленныя сокровища, и на долго отнимаютъ охоту къ хищничеству! Или, едва пронесутся слухи, что Султанъ собираетъ грозу на Москву, козаки выкапываютъ изъ песку свои лодки (2) и несутся

(1) Доброжелатели, шпіоны.

(2) Возвратясь изъ морскаго похода, Донцы закапывали въ землю свои лодки, дабы непріятель не нашелъ и не истребилъ ихъ.

въ Аксакъ - Денглисъ (1) и далѣе въ Понтъ - Евксинскій, прорываются силою или обманомъ чрезъ желѣзныя цѣпи, протянутыя въ рѣкѣ у сторожевыхъ башенъ, нарочно выстроенныхъ Турками на каланчѣ и на мертвомъ Донцѣ, и берутъ ихъ корабли, капорги, комяги, собираютъ дань съ Колхиды, палятъ и раззоряютъ прибрежные города и селенія, и наводятъ ужасъ на самый Царь-градъ. Порта отлагаетъ ударъ, приготовленный ею на Русь, удерживаетъ Ногайцевъ и Крымцевъ, и шлетъ пословъ къ Бѣлому Царю — да уйметъ козаковъ раззорять Оттоманскія области. Но буйные козаки рѣдко внимали увѣщаніямъ и угрозамъ Русскихъ Государей, и если, по настоянію ихъ, мирились

(1) Азовское море.

съ Азовцами, то для того только, чтобы чрезъ нѣсколько дней отослать къ нимъ размирную грамоту (1) или въ росплохъ напасть и разграбить пословъ Султанскихъ.

Такимъ образомъ вывело наконецъ изъ терпѣнія Царя Іоанна Васильевича, разбитіе козаками въ 1577 году богатыхъ Бухарскихъ караванов и Кизылбашскаго гонца, ѣхавшаго въ Москву по важному дѣлу: онъ рѣшился наказать виновныхъ, но, не желая еще изтреблять или ослаблять ихъ, требовалъ только головъ атамановъ, участвовавшихъ

---

(1) При разрывѣ мира, та сторона, которая начинала войну, обязана была послать другой размирную грамоту. Не послать оной — почиталось поступкомъ безчестнымъ. Но Азовцы это часто дѣлали, и иногда козаки поступали съ ними безъ всякой пощады.

въ семъ разбоѣ: Ермака, Кольца, Грозы и Матвѣя Мещеряка. Козаки просили помилованія, клялись, что перестанутъ буйствовать, своевольничать, и обѣщались выдать все награбленное у Персіянъ имущество, лишь бы прощены были ихъ храбрые атаманы. Съ такою-то повинною, отправили въ Москву атамана Брипоусова, и хотя козаки надѣялись, по обыкновенію, получить прощеніе, дабы снова измѣнить; но слухи о великой на нихъ опалѣ Грознаго и ужасы бѣдствій Новагорода, провинившагося предъ Царемъ, распространяли въ Раздорахъ невѣдомый дотолѣ страхъ и трепетъ.

Не смотря на то, передъ домомъ старшаго атамана Луковки, отличавшемся отъ прочихъ обширностію двора, обнесеннаго простни-

ковымъ заборомъ и огромностію тесоваго крыльца, называемаго галдареею, весело толпился народъ и жужжалъ какъ пчелы передъ ульемъ. Всѣ отъ мала до велика спѣшили туда взглянуть и подивиться на богатые зговоры дочери атаманской. Обряды свадебные, самые простые и бѣдные, были новостію для жителей Раздоровъ; ибо козаки еще большею частію избирали женъ, по старинному обычаю, на Майданѣ (1), тѣмъ естественнѣе — богатство, спѣсь и страсть атамана Луковки къ подражанію Московскимъ

(1) Для сего нужно было только козаку объявить на Майданѣ (т. е. сборномъ мѣстѣ), что въ жены себѣ избралъ такую-то. Столь же легко, и тѣмъ же порядкомъ разводился онъ съ нею; послѣ чего всякой другой могъ жениться на *отказанной*, прикрывъ ее полою платья, что значило снять съ нее безчестіе развода. *(Рус. Стар.)*

обычаямъ возбуждали всеобщее любопытство. Въ этотъ вечеръ отправлялся у него дѣвишникъ.

Тогда какъ на рундукѣ молодые козаки плясали журавля подъ громкія пѣсни и тихіе звуки гребешка и варгана, женихъ съ невѣстою, причетомъ и званными гостьми, сидѣли въ красной избѣ и готовились приняться за сытный ужинъ, который, если не по изяществу яствъ, то по изобилію ихъ и изобрѣтательности, заслуживаетъ быть описаннымъ съ нѣкоторою подробностію.

На длинномъ дубовомъ столѣ, накрытомъ чистою скатертью, стояли въ передовомъ концѣ нѣсколько серебряныхъ ковшей и вызолоченная чара съ царскимъ орломъ, а на заднемъ, оловянныя кружки съ медами и огромная мѣдная эндова

съ пивомъ. Между ними разставлены были въ деревянныхъ сплавцахъ и на шаяхъ слѣдующія блюда: въ первомъ мѣстѣ большой пшеничный кругликъ (1) съ рубленымъ мясомъ, и холодныя: студень, сѣкъ (2), лизни (3) приправленные огурцами, копченый лебедь и соленый журавль. Когда блюда сіи были опорожнены, или обнесены проворною ясыркою изъ Турчанокъ; то мѣста ихъ замѣнили разныя горячія: жирныя щи, похлебка изъ курицы съ пшеномъ и изюмомъ, морква (4), борщь, лапша, дульма (5); потомъ слѣдовали жареныя: гуси, шурубарки (6), по-

(1) Пирогъ круглый.
(2) Филейная часть въ разварѣ.
(3) Языки.
(4) Супъ изъ баранины.
(5) Изъ капусты съ рубленымъ мясомъ.
(6) Утки.

росенокъ съ начинкою, ягненокъ съ чеснокомъ, часть дикой козы, дрáхва и кулики, а вмѣсто пирожныхъ, подавали блинцы, лапшевникъ, и въ заключеніе *уре-кашу*, просо, приправленное сузьмою, т. е. кислымъ молокомъ.

Внутренность свѣтлицы представляла также соединеніе богатства съ самою грубою простотою: на шесовыхъ скамьяхъ набросаны были парчевыя подушки и узорчатые Персидскіе ковры. Передовой уголъ посвященъ былъ Божницѣ; здѣсь на двухъ пóлкахъ, сплоченныхъ кое-какъ изъ сосновыхъ досокъ, блистало, отъ сіянія лампады, нѣсколько образовъ въ серебряныхъ окладахъ и жемчужныхъ убрусахъ, украшенныхъ, сверхъ того, свѣжими полевыми цвѣтами; подъ образами лежало множество караваевъ,

принесенныхъ гостями жениха; а по голымъ стѣнамъ развѣшано было дорогое оружіе и конская сбруя всѣхъ сосѣднихъ народовъ: вотъ, подъ Ногайское или Черкесское сѣдло подложена Крымская или Турецкая попона; тамъ Русская пищаль, рогъ и вязни обнимались съ Персидскою саблею, въ углу булатный ножъ и драгоцѣнный Турецкій сайдакъ держались на заржавленномъ гвоздѣ съ грубою Украинскою рогатиною; такъ, что сіе смѣшеніе, доказывая званіе и достояніе хозяина, представлялось какъ-бы въ искуственномъ безпорядкѣ.

Не пора ли послѣ сего познакомить читателя съ лицами, присутствовавшими на праздникѣ у атамана Луковки. Начнемъ съ него самаго: представьте себѣ старика съ бѣлою, какъ лунь, головою и серебряною

бородой, съ румяными щеками, широкоплечаго, бодраго, веселаго, и будете имѣть вѣрное изображеніе Луковки. На немъ была шелковая рубаха, подпоясанная шаковымъ же поясомъ. По правую руку его сидѣлъ женихъ. Сей послѣдній былъ одѣтъ по-казацки самымъ щегольскимъ образомъ, по шогдашнему обычаю: на немъ былъ апласный кафтанъ съ частыми серебряными нашивками; за шелковымъ Турецкимъ кушакомъ запкнутъ былъ булатный ножъ съ черенкомъ рыбьяго зуба, а на ногахъ красные сафьянные сапоги. Но, не смотря на полный казацкій нарядъ, съ перваго взгляда можно было угадать, что этотъ молодой человѣкъ былъ чуждъ сему обществу, что онъ вскормленъ не на берегахъ тихаго Дона. Его сѣрые глаза, хотя бѣглые, не блистали ог-

немъ, который отличаетъ обитателей Дона отъ всѣхъ другихъ племенъ, составляющихъ обширное Русское царство, который служитъ козаку вывѣскою необыкновенной смѣтливости, предпріимчивости, быстроты. Нѣтъ! эти усы и кудри, красные какъ огонь, эта русая, мягкая борода на бѣломъ лицѣ, не принадлежатъ Донцу, съ малолѣтства подвергающемуся вліянію стихій, вѣтра и солнца. Этотъ взглядъ изъ подлобья, несроденъ козаку, имѣющему чело открытое, свѣтлое. И точно, атаманъ Луковка называлъ молодаго зятя своего Княземъ Ситскимъ, за котораго, говорилъ онъ, просваталъ дочь свою Велику, бывши тому два года назадъ въ Москвѣ. И прекрасная Велика сидѣла возлѣ жениха своего въ самомъ богатомъ нарядѣ: парчевой кубылекѣ

и бархатной шапкѣ съ куньимъ околышемъ, изъ-подъ коего висѣли дорогія жемчужныя чикилики; но блестящій нарядъ совершенно противорѣчилъ унылому виду красавицы. Алыя щеки ея покрыты были смертною блѣдностію, а черные глаза, горѣвшіе до того какъ полуночныя звѣзды, зардѣлись вокругъ и рѣдко, рѣдко выказывались изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Всѣ приписывали сію перемѣну дѣвичей стыдливости, или горести невѣспы, покидающей домъ родителей, разстающейся съ удовольствіями юности; но нѣтъ! эта унылость открывала муку душевную, была вывѣскою сердца разтерзаннаго. Въ продолженіи всего праздника не выкатилась изъ очей Велики ни одна капля слезы опрадной, ни одна улыбка не оживила прелестныхъ устъ ея:

она походила скорѣе на жертву, обреченную на смерть, чѣмъ на невѣсту, обрученную жениху.

И страданія Велики понималъ только одинъ мужчина, среднихъ лѣтъ, величавой, благородной наружности, не смотря на его небрежный воинственный нарядъ и неизмѣнявшуюся угрюмость, противорѣчившія совершенно щеголеватости и разгульной веселости прочихъ гостей. Всякій разъ, какъ незнакомецъ бросалъ на невѣсту или жениха свои дикіе взгляды, густыя брови его хмурились пуще вершины Казбека, при дуновеніи Индѣйскаго бурана, широкое чело его бороздилось морщинами, словно море Хвалынское черною зыбью — предтечею ужасной бури. Ни одна также улыбка не сорвалась съ полумертвыхъ устъ его, закутанныхъ въ черную окла-

дистую бороду; жилистая рука, казалось, срослась съ его саблею, висѣвшею на ременномъ шебалташѣ, вмѣстѣ съ серебрянымъ рогомъ для пороха, стальнымъ мусатомъ (1) и сафьяннымъ гаманомъ для пуль. Коротkая Черкесская епанча смураго цвѣта, ничѣмъ неотсвѣченная, придавала еще болѣе суровости его блѣдному лицу, на которомъ, словно въ зеркалѣ, отражалась буря мрачныхъ, глубокихъ думъ и душевныхъ страданій. Незнакомецъ, наблюдая умѣренность въ рѣчахъ, былъ еще умѣреннѣе въ пищи и питьѣ. Онъ едва прихлебывалъ изъ круговаго покала, и даже не выпилъ до половины золотой чары, когда атаманъ Луковка провозгласилъ священные для всѣхъ козаковъ тосты:

---

(1) Огниво.

Здравствуй Царь Государь въ бѣлокаменной Москвѣ, а мы Донскіе козаки на тихомъ Дону, и здравствуй войско Донское съ верху до низу и съ низу до верху! — При семъ всякій козакъ обязанъ былъ опорожнить до капли поднесенную ему посудину, есть ли ковшъ, то обернуть его на ноготь, а эндову надѣть себѣ на голову — въ свидѣтельство, что выпилъ до суха. Всего удивительнѣе казалось то, что его къ тому не принуждали ни хозяинъ, ни словоохотный сватъ, завѣдывавшій питейною частію. Въ доказательство же, что причиною сего было не невниманіе, или неуваженіе ихъ къ незнакомцу, сей послѣдній занималъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ по лѣвую сторону хозяина, и какъ тотъ, такъ и другой относились къ нему съ рѣчью.

Въ числѣ прочихъ гостей, пестрѣвшихъ въ Персидскихъ, Турецкихъ и Русскихъ платьяхъ, заслуживалъ вниманіе досужій сватъ со стороны жениха, Мапвѣй Мещерякъ, одѣтый въ лазоревый, настрафильный зипунъ (1); хотя рожа его, покрытая рябинами, словно сѣткою, не согласовалась съ столь пышнымъ нарядомъ, и черноокія Чиберки (2), разряженныя въ алыхъ и малиновыхъ кубылекахъ, въ голубыхъ съ бѣлыми, или алыхъ съ зелеными каймами Персидскихъ платкахъ. Онѣ не принимали участія ни въ ужинѣ, ни въ разговорахъ, и, сидя на лавкахъ вокругъ свѣтлицы, прилежно занимались рукодѣліемъ; однѣ шили свадебный кубылекъ, другія строчили

(1) Кафтанъ.

(2) Чиберками назывались дѣвушки, созванныя для шитья приданаго.

ожерелокъ кривымъ танкомъ, бурсачками и разводами. Изрѣдка только перешептывались между собою, или заглядывали украдкой въ полуразтворенную дверь на рундукъ, гдѣ плясала и веселилась удалая молодежь; а иногда, наволакивая подушки, припѣвали заунывныя пѣсни.

Подъ конецъ ужина, когда невѣста, по приказанію отца, сама поднесла незнакомцу серебряный ковшъ съ искрившимся *сирибаломъ* (1), и онъ, по обыкновенію, отвѣдавъ его, поморщился, и подалъ назадъ прекрасной подносчицѣ, то хитрый и осторожный сватъ, потерявъ, вѣроятно, терпѣніе отъ дѣйствія крѣпкихъ медовъ, сказалъ:

---

(1) Подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ на Дону лучшій медъ.

«На все ты, Кошевой, у насъ молодецъ, а не знаешь только подслащивать горечь медовую?»

— Зналъ, пріятель, зналъ, отвѣчалъ онъ со вздохомъ, но кто вмѣсто сласти испилъ пущую горечь, тотъ станетъ подслащивать свою жизнь только одною саблею.

«Я давно замѣтилъ, подхватилъ съ громкимъ смѣхомъ Луковка, что Кошевой лучше любитъ пересылаться съ Турками и Татарами свинцовыми пулями, чѣмъ съ красными дѣвушками сладкими поцѣлуями.»

— Отгадалъ атаманъ, сказалъ незнакомецъ съ дикою улыбкою, отъ свинцовой бабы хотъ и угорѣешь, да не одурѣешь!

«Не ровенъ поцѣлуй, замѣтилъ Мещерякъ со смѣхомъ, отъ инаго

женишься, вмѣсто ясырки черноокой, на Пашѣ хромоногомъ.»

— Козаку честнѣе быть въ плѣну у бусурманина, чѣмъ у бабы, отвѣчалъ съ суровостію угрюмый Кошевой.

«Да давно ли, товарищъ, разлюбилъ ты нашихъ женъ и дѣвокъ, спросилъ Луковка? Не колько лѣтъ, какъ ты каждый день нянчился съ моими ребятишками, и Великѣ на зубокъ подарилъ Татарскую понизку?»

— Съ тѣхъ поръ, отвѣчалъ незнакомецъ съ неожиданною живостію, какъ козаки стали держаться Московскихъ обычаевъ, стали жениться, не какъ наши предки по любви и согласію на Майданѣ, стали отдавать дочерей за богатство и за и.... Тутъ онъ остано-

вился, взглянувъ съ участіемъ на Велику.

Разговоръ сей прервался шумнымъ приходомъ козака, въ космашой буркѣ и медвѣжей шапкѣ на головѣ. Онъ былъ не большаго роста, но высокая грудь и широкія плечи показывали въ немъ аплета. Поставивъ у порога длинный чеканъ свой и фузею, пришлецъ помолился Святымъ иконамъ и поклонился низко на всѣ четыре стороны, всѣмъ, начиная съ хозяина, который, хотя по видимому, болѣе удивился, чѣмъ обрадовался новоприбывшему гостю, но встрѣтилъ его обыкновеннымъ козацкимъ привѣтствіемъ:

«Добро жаловать атаманъ-молодецъ! Скоро же вернулся съ гульбы (1), а кажись, на Медвѣдицу

---

(1) Гульбою называлась звѣриная охота.

отправилась съ вами не одна коша (2). Да по добру ли, по здорову ли?»

«Слава Богу, отвѣчалъ пришлецъ, большихъ трудовъ не было, прогулялись только до Чернаго Ерика, а далѣе дожди помѣшали.»

— Давно ли атаманъ Кольцо сталъ бояться воды небесной? спросилъ сурово незнакомецъ, кажись, онъ не размокалъ прежде и отъ морской?

«Да тетива-то размокаетъ, а съ фузеи все вспышки, да вспышки. У насъ три недѣли дождь ливнемъ лилъ. Эдакой весны за Камою не слыхивали, да и лѣта жди грознаго.»

---

(2) Кошами назывались большія ватаги звѣролововъ, или артели.

На послѣднее слово Кольцо сдѣлалъ удареніе нарочно, чтобъ обратишь на себя взоры незнакомца, который прочелъ, казалось, въ глазахъ его, что-то мрачное и зловѣщее, и невольно содрогнулся.

«Да поживились ли вы хоть чѣмъ нибудь,» спросилъ Луковка?

«Не стоитъ и говорить, на брата еле досталось по два волка, да по лисицѣ, и еслибъ Камышники (1) не поймали въ капканъ кабана, то пришлось бы кормиться хоть зайчиною» (2).

«У меня слюнки текутъ, какъ говорятъ про кабанину, сказалъ съ

---

(1) Охотники, употреблявшіе для ловли звѣрей капканы и тенета.

(2) Ѣсть зайцевъ, и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считается грѣхомъ; а козаки ставили это въ безчестіе.

насмѣшкою Мещерякъ. — Опвѣдалъ бы право хошь кусочекъ этаго лакомаго блюда?»

«Нѣкогда будешъ,» возразилъ Кольцо, и взоръ его вспрѣпился снова со взоромъ незнакомца, и тотъ снова прочелъ въ немъ что-то необыкновенное.

« Опъ чего нѣкогда, » спросилъ Луковка?

« Когда же? Чай долго прображничаешь и послѣ свадьбы, а тамъ, слышно, женится Эсаулъ Брязга на Черкешенкѣ, что живетъ у старшины Кушмацкаго въ домоводкахъ. У него также пойдутъ пиры, а тамъ. . . »

« Полно скупиться-то товарищъ, сказалъ улыбаясь Луковка, свари-ка добрую варю косапчапаго, (*) да и позови на вепря.»

(*) Самый лучшій медъ.

«Не для чего мнѣ скупиться, атаманъ, отвѣчалъ Кольцо, я не коплю себѣ собины, у меня все общее съ односумами» (1).

Луковка нахмурился.

Посторонитесь, посторонитесь, раздалось на рундукѣ; дверь какъ вѣтромъ распахнулась настежь, и въ нее влетѣлъ козакъ съ лицомъ на глухо завязаннымъ платкомъ. Дѣвушки ахнули, мужчины подались къ сторонѣ, а блѣдныя щеки невѣсты вспыхнули румянцемъ, какъ заря закапывающагося солнца. Удалецъ, не говоря ни слова, не сдѣлавъ никому поклона, съ присвистками пошелъ козачка. Проворны и вмѣстѣ благородны были его тѣлодвиженія. Онъ, то вихремъ носился

(1) Односумы — товарищи, у которыхъ не было собственности, а добыча и имущество хранились вмѣстѣ.

по свѣтлицѣ — разстилаясь на каблукахъ, то величественно подпершись лѣвою рукою, причемъ гибкій станъ его, опоясанный алымъ шелковымъ кушакомъ, изгибался какъ тростинка камышевая, билъ дробь обѣими ногами и въ мѣру приступкивалъ сафьянными каблуками; то, поднимаясь съ удивительною легкостію вверхъ, опускался на острые носки. Во всѣхъ его прыжкахъ видна была чрезвычайная сила, искуство и огонь юношества, а шапка изъ черныхъ, какъ смоль, смушекъ, сдвинутая на бекрень, выказывала русыя кудри, завитыя безчисленными кольцами рукою природы.

«Диво! удалецъ!» кричали старики и вообще всѣ гости, любуясь на живописную пляску козака.

« Долженъ быть хорошъ, шептали дѣвушки. »

И всѣ старались узнать, кто былъ этотъ удалецъ. Даже угрюмый незнакомецъ, показывавшій доселѣ равнодушное презрѣніе къ свадебнымъ забавамъ, любопытствовалъ узнать объ немъ, но никто не могъ отгадать. — Ахъ! ему стоило только взглянуть на невѣсту, чтобъ увидѣть, что таинственный удалецъ отгаданъ, что состояніе бѣдной Велики было самое жалкое, страдательное; она ежеминутно боялась измѣнить себѣ, ибо сердце ея, съ перваго взгляда, открыло въ немъ своего любезнаго. Да и кто другой въ состояніи подражать ему, кто другой могъ быть столь ловокъ, милъ и прекрасенъ?

Можетъ быть, не почувствовалъ ли и самъ женихъ нѣкоторой ревности, только ему крайне хотѣлось узнать своего соперника, и онъ предлагалъ силою или обманомъ снять съ него повязку. Но ему сказали, что этаго на Дону не водится, что никто не имѣетъ права употреблять насилія, если незнакомецъ хочетъ остаться неузнаннымъ, и удалый весельчакъ, не говоря ни слова, съ присвистками, исчезъ въ тѣ же двери, въ которыя влетѣлъ прежде.

« Ай-да хватъ! сказалъ старикъ Луковка, смотря вслѣдъ козаку, настоящій Донецъ!

— Ударюсь объ закладъ, что и на гульбѣ и на войнѣ, этотъ удалецъ первый сорви-голова, приба-

вилъ незнакомецъ! Странно, что никто его неузналъ?

Тупъ взоръ его встрѣтился со взоромъ Велики, и онъ увидѣлъ, что *ошибся.*

Между тѣмъ, гости стали собираться ипти въ домъ жениха, а вмѣстѣ съ нимъ и родственники невѣсты.

Женщины входили въ свѣтлицу съ приданымъ, припѣвая:

Сестрицы подружки —
Несите подушки,
Берите перины
Сестры Катерины....

и отправлялись впередъ. Нѣсколько разъ женихъ долженъ былъ съ дороги ворочаться, чтобъ цѣловать грустную Велику. Веселыя Чиберки кричали ему вслѣдъ: ***чтобъ онъ воротился, что ушелъ не простился.***

У крыльца, Луковка и прочіе старшины хватились незнакомца, желая, вѣроятно, дать ему почетное мѣсто, но его уже не было: въ сумашохѣ, онъ исчезъ, вмѣстѣ съ атаманомъ Кольцомъ.

ГЛАВА II.

Опричники увлекаютъ Митрополита Филиппа изъ обители Св. Николая Спараго. — Негодованіе и скорбь народа. — Опала на родственниковъ и друзей Святителя. — Атаманъ Луковка пируетъ у Князя Сицкаго. — Заочная помолвка. — Заточеніе Сицкаго въ Соловки.

Прежде чѣмъ станемъ продолжать повѣствованіе произшествій на берегахъ тихаго Дона, считаемъ неизлишнимъ перенести вниманіе своихъ читателей въ Москву бѣлокаменную, и для связи хотя вкратцѣ, упомянуть о происшествіи, случившемся за нѣсколько лѣтъ до эпохи, нами описываемой.

Въ одну изъ самыхъ мрачныхъ и ненастныхъ ночей, какія только

бываютъ въ началѣ Ноября мѣсяца, когда въ столицѣ царства Русскаго все спало сномъ крѣпкимъ, непробуднымъ, въ тѣсной келліи монастыря Св. Николая Стараго, предъ иконою Богомашери теплилась неугасимая лампада, и бросала блѣдные лучи свои на величественное чело пруженника въ черной власяницѣ, стоявшаго предъ нею на колѣнахъ, и читавшаго на распѣвъ дрожащимъ голосомъ псаломъ Давидовъ: ***Господи прибѣжище былъ еси намъ.*** Крупныя слезы капали на сѣдины его; не смотря на то, совершенное спокойствіе и небесное умиленіе разливались по благообразному лицу его. Какъ будто для противуположности, стояли въ узкихъ дверяхъ келліи двое мужчинъ, коихъ можно было принять за иноковъ по ихъ чернымъ, длиннымъ рясамъ,

еслибъ изъ-подъ сего смиреннаго одѣянія не выказывались парчевые кафтаны съ собольею опушью, а на головахъ ихъ, вмѣсто монашескихъ каптырей, не открывались остроконечные шлыки. Наконецъ звѣрскія лица обличали въ нихъ злѣйшихъ опричниковъ царскихъ, присланныхъ въ Св. обитель за Митрополитомъ Филиппомъ, дабы влачить его въ Отрочь монастырь, далѣе отъ любви народной и ближе къ мести Іоанна, котораго Святый мужъ дерзнулъ упрекать въ любостяхъ.

Судя по продолжительному терпѣнію, съ какимъ ожидали опричники окончанія молитвы Святителя, можно было подумать, что добродѣтель имѣетъ силу и надъ ожесточенными сердцами закоснѣлыхъ злодѣевъ. Болѣе часу они ос-

тавляли его въ покоѣ, между тѣмъ на Востокѣ начала заниматься заря.

« Князь Темкинъ, сказалъ одинъ изъ сихъ опричниковъ, не пора ли разбудить старика: ужъ не морочитъ ли онъ насъ? »

— Стапочное ли дѣло, отвѣчалъ другой съ улыбкою, дадимъ ему еще потѣшиться на послѣдышкахъ. Мнѣ, право, забавно смотрѣть, какъ онъ умильно глядитъ въ эту толстую книгу, словно ты въ золотую стопу батюшки Царя!

« Шутки въ сторону: народъ сталъ подходить толпами къ монастырю. Слышишь какъ воркуетъ? »

— Пусть воркуетъ, доколѣ не разгонятъ его метлами (1).

« Людей-то я не боюсь. По милости премилосердаго батюшки

(1) Опричники, между прочимъ, вооружены были метлами.

Царя нашего, они разбѣгутся пуще зайцевъ, при видѣ одного нашего брата съ собачьей головою (2), да вишь чорпо-тъ не свой брашъ!

— Какой чортъ тебѣ грезится, спросилъ съ усмѣшкою Темкинъ?

«Коли подумаешь хорошенько, то согласишься, что и насъ старичишка приковалъ къ своей приполкѣ, чѣмъ нибудь другимъ, а не молитвою.»

— У страха глаза велики. Чай и псалтирь-то, въ которую онъ уткнулъ глаза, тебѣ кажется черною книжицею съ кровавыми каракульками?

«Смѣйся, Князь, смѣйся, а псалтирь-то не укропила бы голоднаго медвѣдя, которому Царь пожаловалъ

---

(2) Которая нашивалась на одной полѣ кафтана.

было на ужинъ этого чернокнижника на прошлой недѣлѣ (1), инда самъ сдивовался. »

Въ эту минуту послышались рыданія на монастырскомъ дворѣ.

— Слышишь ли, Темкинъ, сказалъ съ угрозою первый опричникъ? Если бъ одному тебѣ отвѣчать за колодника, я бы, пожалуй, оставилъ тебя любоваться имъ хоть цѣлые сутки; а то и мнѣ быть безъ головы, коли что случится.

« Правда твоя, Грязной, правда пора, очень пора, отвѣчалъ онъ, и какъ будто пробудясь отъ сна, и вскричалъ:

« Чернецъ, да будетъ ли конецъ твоей молитвѣ? Сбирайся, или берегись. . . . »

---

(1) Ист. Росс. Государства Карамзина.

«Приговоръ втораго Ирода,» раздалось изъ отверстія, служившаго вмѣсто окошка.

Опричники кинулись къ окну, а Филиппъ смиренно отвѣчалъ: я готовъ, и вышелъ съ ними изъ келліи.

Ни угрозы кромѣшниковъ, ни самые ужасные побои не сильны были удержать народа, тѣснившагося вокругъ Святителя, для испрошенія у него благословенія. Уже онъ садился на приготовленные для него дровни, какъ пробился сквозь толпу человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, и палъ къ нему въ ноги. Золотая цѣпь на груди показывала его высокое достоинство, такъ, что самые жестокіе стражи не смѣли не допустить его до своего плѣнника. Святитель затрепеталъ, увидя его, и поднявъ глаза къ небу, какъ бы для прочтенія судебъ, осѣнилъ его

крестнымъ знаменіемъ, и произнесъ тихимъ голосомъ: ***мы скоро увидимся!***

— Бояринъ Сипскій, сказалъ съ адскимъ хохотомъ Василій Грязной, не пришелъ ли ты дать порученія брату Калугеру къ отцу Вельзевулу?

«За чѣмъ перебивать дорогу у васъ достойнѣйшихъ чадъ тьмы кромѣшной,» отвѣчалъ Сипскій съ презрѣніемъ!

Опричники взглянулись между собою, узнавъ въ голосѣ боярина тотъ самый, который дерзнулъ сравнивать Іоанна съ гонителемъ Спасителя. Подозрѣніе ихъ увеличилось еще болѣе, когда народъ, какъ будто ободренный укоризною боярина, сдѣлался съ ними смѣлѣе и угрожалъ вырвать изъ рукъ ихъ жертву. — Можетъ быть, сіе и случилось бы,

не смотря на увѣщанія Филиппа отважнымъ своимъ чтителямъ — смириться, повиноваться волѣ Государя и молиться, еслибъ стражи не рѣшились на самый отчаянный поступокъ. Князь Темкинъ вырвалъ возжи у возницы, а Грязной, вскочивъ въ сани къ Митрополиту, обнажилъ свою саблю, и клялся изрубить его при первомъ съ ними насиліи. Между тѣмъ борзый конь, понукаемый безпрерывноТемкинымъ, рвался впередъ, давилъ дерзновенныхъ, покушавшихся преградить дорогу, и при первой свободѣ, понесся во всю прыть такъ, что народъ, долго бѣжавшій еще за Святителемъ, хватаясь за повозку его, наконецъ потерялъ его изъ виду.

Не только сего происшествія, не только словъ Сипскаго и благо-

словенія Филиппа, достаточно было быть родственникомъ или почитателемъ его, чтобъ подпасть подъ опалу, которая готовилась Іоанномъ для всѣхъ Бояръ, бывшихъ съ нимъ, или съ родомъ Колычевыхъ въ какой либо связи.

Вскорѣ послѣ сего атаманъ Луковка, удостоившись со всею легкою станицею (1), узрѣть свѣтлыя очи Грознаго, и получивъ серебряный ковшъ, а для прочихъ дорогіе подарки изъ соболей, сукна, камки, тафты и пр., собирался отправиться во-свояси — съ царскимъ жалованнымъ словомъ и похвалою всему великому Донскому войску.

---

(1) Легкою или зимовою станицею назывались посольства отъ Донскихъ войскъ къ Русскому Самодержцу, и почитались важною наградою.

На канунѣ своего отъѣзда, онъ пировалъ на прощальномъ пиру у Князя Сипскаго, съ которымъ читатель недавно познакомился, и который завѣдывалъ козацкимъ Приказомъ. Когда старики остались одни, какъ говорилось, побесѣдовать за эндовою романеи, то разговоръ сдѣлался живѣе и чистосердечнѣе. Атаманъ Луковка, хвалясь привольемъ житья на тихомъ Дону, между прочимъ описалъ свободу, которою пользуются всѣ на его родинѣ.

«Храбраго молодца, сказалъ онъ, который пристанетъ къ великому Донскому войску, не спрашиваютъ: кто онъ? откуда? а говорятъ только: будь честенъ и вѣренъ. И если онъ свято исполняетъ наши обычаи, то на Дону не достанетъ его ни желѣзный костыль, ни острый топоръ вашего Грознаго.»

Рѣчь сія сдѣлала большое впечатлѣніе на умъ Князя Сипскаго, и онъ тогда же составилъ планъ, для спасенія своего единственнаго сына отъ опалы, которую ждалъ ежеминутно на свое семейство, не смотря, что былъ въ родствѣ съ любимцемъ Іоанновымъ Борисомъ Годуновымъ, сильнѣйшимъ тогда вельможею при дворѣ Царскомъ. Короче сказать: отцы тутъ же помолвили дѣтей своихъ заочно, хотя величайшія разстоянія раздѣляли ихъ между собою, ибо молодой Сипскій, Князь Владиміръ, снѣдаемый любопытствомъ и горя мужествомъ, взялся охотно вести въ великую Пермь небольшую дружину, которую Іоаннъ отправилъ къ Строгоновымъ, въ помощь противу мятежнаго Царя Сибирскаго, не хотѣвшаго болѣе платить ему древ-

ней дани. Самолюбивый Луковка хотѣлъ удивить Донъ, выдавъ дочь свою, прекрасную Велику, за сына знаменитаго и богатаго боярина Московскаго, а можетъ быть, имѣлъ и другіе честолюбивые виды, пріобрѣтя столь сильное родство при Дворѣ Царскомъ. Старики ударили по рукамъ и поклялись предъ иконою Спасителя, не отступать отъ своего условія ни подъ какимъ видомъ, ни для какихъ причинъ. Сицкій долженъ былъ послать тотчасъ же ходока къ сыну съ приказомъ немедленно вернуться въ Москву, а отсюда уже отправить его на Донъ къ атаману Луковкѣ, съ грамотою за его родовою печатью, коей воскояровой слѣпокъ тогда же былъ врученъ будущему свату; а Луковка обязался дожидаться жениха три года.

Чего спрашился Ситскій, то и случилось. Казалось, Іоаннъ безмолвствовалъ на нѣкоторое время, послѣ изгнанія Митрополита Филиппа, дабы изобрѣсть новыя наслажденія для своей свирѣпости. Дотолѣ губилъ людей, оттолѣ цѣлые города (1); Годунову стоило большаго труда, упросить Іоанна перемѣнить казнь его на вѣчное заключеніе въ Соловки. Стараго Князя оковали въ желѣза, и отправили туда подъ надзоромъ его доносчика опричнаго Грязнаго, о которомъ читатель легко вспомнитъ. Переправляясь черезъ Бѣлое море, они были застигнуты ужасною бурею, и утлое судно ихъ опрокинулось у самыхъ береговъ обители. Бояринъ погибъ отъ тяжести цѣпей, а опричникъ возвра-

(1) Ист. Росс. Госуд. Карамзина.

шился въ Москву съ новымъ доносомъ, что молодой Сипскій скрывается на Дону. Онъ открылъ это изъ письма спараго Князя, приготовленнаго для Владиміра къ будущему тестю, которое онъ вынулъ у него изъ кармана, или лучше сказать, отнялъ съ великимъ множествомъ драгоцѣнностей, взятыхъ съ собою злополучнымъ отцемъ, для передачи своему сыну.

Царь, узнавъ о смерти Сипскаго, нѣкогда имъ любимаго и уважаемаго Вельможи, сказалъ: «собакѣ собачья и смерть» и отобравъ у опричника всѣ его сокровища, обѣщался при первомъ случаѣ вознаградить его за вѣрность. И дѣйствительно, когда получено было отъ Строгоновыхъ донесеніе, что Князь Владиміръ Сипскій внезапно скрылся, то онъ отправилъ его гонцемъ въ

Азовъ черезъ Раздоры, приказавъ захватить въ семъ послѣднемъ городѣ молодаго Сипскаго, за что обѣщалъ осыпать его своими Царскими милостями.

ГЛАВА III.

Страшная ночь на кладбищѣ. — Велика у могилы своей матери. — Встрѣча любовниковъ. — Совѣтъ Ермака съ Кольцомъ. — Самозванецъ открытъ.

Въ первой главѣ мы видѣли, какъ кончился сговоръ дочери Атамана *Луковки за Московскаго Боярина.*

Къ ночи, отъ скопившихся въ воздухѣ паровъ, послѣ жаркаго весенняго дня, на горизонтѣ собрались черныя тучи и неслись съ моря прямо къ Раздорамъ. Скоро закипѣлъ тихій Донъ, засверкали молніи. Плески волнъ съ шумомъ разбивались о ракитовой тинъ, коимъ

обнесено было кладбище, находившееся на мысѣ или оконечности острова, а рѣзкій вѣтръ, скользя по длиннымъ вѣтвямъ древнихъ ивъ, колебавшихся надъ бѣлыми крестами голубцевъ (1), срывалъ съ нихъ рѣзкій свистъ. Надобно было обладать величайшимъ безстрашіемъ, чтобъ рѣшиться приблизиться, а тѣмъ болѣе еще оставаться долгое время въ сей ужасной юдоли смерти. Но вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ прислонясь къ одной изъ развѣсистыхъ ивъ, въ задумчивости стоялъ молодой козакъ. Поникшая голова и колебавшаяся грудь, показывали глубокую печаль его. Сильно ревѣлъ вѣтръ вокругъ него, но онъ прислушивался къ какому-то тихому шороху; темна была ночь,

(1) Тоже, что нынѣшніе надгробные памятники.

но глаза его искали чего-то вдалекѣ. «Нѣтъ, говорилъ онъ самъ съ собою, нѣтъ! во что бы ни стало, чтобы ни приключилось послѣ, а мнѣ должно ее увидѣть, должно ей открыть свою душу. Простою всю ночь, не выйду отсюда и завтра до полудня, а ее дождусь. Я знаю Велику: она не побоится никакого ненастья, развѣ устрашится принесть клятву, пропивную сердцу?» Онъ остановился: двѣ блѣдныя тѣни мелькнули при входѣ въ голубецъ. Козакъ напрягаетъ все свое вниманіе и вѣрное ухо его, сквозь ревъ бури, сквозь плескъ валовъ, слышитъ каждое слово, произнесенное ими, отгадываетъ малѣйшій ихъ шопотъ. —

«Войди, Фатима, не бойся, сказалъ пріятный голосъ, и козакъ, не выдержа своего восхищенія, вос-

кликнулъ: Такъ это она, это Велика! »

« Какъ не бояться, отвѣчалъ другой хриповатой — старой ясырки изъ Турчанокъ, съ которою пришла сюда Атаманская дочь выполнить обычай своихъ предковъ, поклониться ихъ тихимъ могиламъ наканунѣ своей свадьбы. « Пришла же тебѣ охота итти въ полночь и въ такую грозу на голубецъ, продолжала она.

« Ты сама видѣла, что прежде мнѣ нельзя было урваться, отвѣчала Велика. Вѣдь только что пришли отъ жениха. »

« Зачѣмъ же не отложила до завтра?

« За тѣмъ, что нельзя. На Дону такой обычай, чтобъ тотчасъ же съ дѣвишника итти на голубецъ. »

«Хорошъ обычай морить со страху. Довольно того, что и отъ посповъ вашихъ по середамъ и пятницамъ еле жива шатаюсь. Уфъ! не свѣжая ли это могила видится прямо и правовѣрный можетъ не допрошенъ еще Монкаромъ и Накаромъ? (*)

«Коли ты впрямь боишся ипши на кладбище; то подожди меня здѣсь, я скоро ворочусь» — и съ симъ словомъ Велика оставила свою подругу.

Влюбленный козакъ нѣсколько разъ порывался летѣть на встрѣчу своей

(*) У Мусульманъ существуетъ повѣрье, что всякій покойникъ въ первые три дни послѣ его кончины допрашивается въ гробу Монкаромъ и Накаромъ для рѣшенія, можетъ ли онъ попасть прямо въ рай или долженъ напередъ подвергнуться испытанію въ аду. Для сего гробъ дѣлается такъ, чтобъ покойникъ могъ сидѣть въ немъ прямо и отвѣчать на вопросы.

любезной, но онъ ожидалъ, пока она удалится болѣе отъ своей провожатой, или невольный спрахъ его удерживалъ. Между шѣмъ Велика подошла къ голубцу своей машери и бросясь на него, самымъ умилительнымъ голосомъ испрашивала помощи ея къ перенесенію своего злосчастія и ниспосланія ей силъ для выполненія воли отца неумолимаго, забышь того, котораго она не должна уже любишь болѣе....

«Нѣтъ! ты должна любить его, онъ достоинъ любви твоей, раздался голосъ и Велика, при блескѣ молніи, которая освѣтила окрестности какъ будто тихимъ, радостнымъ лучемъ надежды, увидѣла предъ собою козака: первымъ движеніемъ ея былъ испугъ, но когда она узнала въ немъ Грозу, тотчасъ пришла въ себя и

съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа и достоинствомъ произнесла:

«Володиміръ, или тебѣ любо увеличивать мои страданія?

«Жестокая, отвѣчалъ козакъ, какъ ты могла это сказать и подумать: я пришелъ избавить тебя отъ напасти, я пришелъ спасти тебя.»

«Что ты хочешь сказать?»

«То, что нарѣченный твой женихъ есть обманщикъ, плутъ, а не Князь Сипской, за котораго онъ выдаетъ себя.»

«Возможно ли? Но онъ привезъ батюшкѣ грамоту отъ отца своего?»

«Говорю тебѣ, что все это подлогъ. — Я спѣшилъ день и ночь съ Камы, какъ прослышалъ, что у насъ въ Раздорахъ появился Сипской и что тебя за него уже просватали. Вчера я нарочно приходилъ къ

вамъ на дѣвишникъ съ завязаннымъ лицемъ, чтобъ меня не узнали. . . »

« Я тебя узнала съ перваго взгляду.

« Но ни кому не сказывала ?»

« Нѣтъ ! »

« И хорошо сдѣлала. Прежде чѣмъ я открою твоему отцу объ этомъ мошенникѣ, я хотѣлъ тебя увидѣть, хотѣлъ узнать, точно ли ты меня любишь ?

« Ахъ, Володиміръ, къ чему теперь это признаніе : уже поздно. »

« Нѣтъ, не поздно ! Коли ты меня любишь въ половину того, какъ я тебя, клянусь нашею любовію и моею саблею, что разрушу вашу свадьбу, истребую твою руку. »

« Поди, поди поскорѣе къ батюшкѣ. »

« Милая Велика ! въ залогъ, что ты говоришь правду — поцѣлуй меня. »

« Чего ты требуешь, Володиміръ, вспомни, что я невѣста другаго. »

Но Владиміръ держалъ уже руку прелестной Велики, уже она ощущала трепетаніе его сердца, которое какъ электричество пробѣгаетъ по всѣмъ фибрамъ влюбленныхъ, уже она была не властна владѣть собою, и жаркій поцѣлуй запечатлѣлъ первое признаніе въ любви невинной дѣвы. Владиміръ хотѣлъ что-то говорить, хотѣлъ, можетъ быть, повторить право счастливца, но послышавшійся не вдалекѣ шелестъ шаговъ заставилъ его скрыться въ ближайшую чащу деревъ, а Велика возвратилась къ своей провожатой.

И дѣйствительно, къ тому мѣсту, гдѣ были наши влюбленные, приближались два человѣка суроваго

вида. Они были въ жаркомъ между собою разговорѣ.

«Послушай Ермакъ Тимофеевичь,» говорилъ одинъ, въ которомъ, не смотря на темноту, Гроза легко узналъ Атамана Кольца, а въ другомъ, къ которому сей послѣдній обращалъ рѣчь свою, того угрюмаго незнакомца, котораго мы видѣли на праздникѣ Луковки столь молчаливымъ и задумчивымъ. «Послушай меня, право я говорю дѣло. Повѣрь мнѣ, что Московское войско идетъ не на Азовъ, а на Раздоры.»

«Этому мудрено повѣрить, любезный Кольцо, отвѣчалъ Ермакъ. Для какой корысти Бѣлому Царю насъ разорять. Нѣтъ! вѣрно тебя обманули.»

«Увѣряю, что я собственными ушами подслушалъ разговоръ двухъ старшинъ Русскихъ; они утверж-

дали, что Воеводѣ Мурашкину, который ведетъ рать, велѣно настоятельно требовать выдачи опальнаго Князя Сицкаго, который укрывается будто на Дону, и головъ четырехъ Атамановъ: насъ съ тобою, Грозы, да Мещеряка, которые участвовали въ разбитіи Казылбашскаго Посла, иначе разоритъ Раздоры.

«Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать. . . . А что слышно о Бритоусовѣ?» спросилъ Ермакъ, подумавши.

«Ничего не слыхалъ.»

«Видно, посланецъ нашъ не добился до Боярина Годунова съ моею грамотою, иначе, совѣтникъ Царской вѣрно бы отсовѣтовалъ Думѣ презирать честнымъ словомъ, клятвами Атамана Ермака! Я ручался за Донцовъ своею головою, что

впредь ни посланцы, ни торгаши, проѣзжающіе чрезъ наши области, не будутъ раззоряемы ими — и сдержалъ бы обѣтъ свой: козаки послушались бы меня. Три года просилъ на испытаніе» .... Успокоясь немного, продолжалъ онъ: «знаешь-ли, Кольцо, мнѣ сдается, что тотъ молодецъ, котораго Луковка выдаетъ за Сипскаго, есть Самозванецъ, переметчикъ, подосланный къ намъ изъ Москвы?»

«Но Луковка говоритъ, что онъ представилъ ему всѣ условленныя между ними доказательства съ старымъ Сипскимъ.»

«Да! грамоту подъ условленною печатью. А развѣ онъ не могъ снять перстня съ руки убитаго Боярина? Воля твоя, а въ этомъ обманщикѣ нѣтъ ничего Боярскаго, онъ смотритъ изъ подлобья . . . .

Слышно, что то и дѣло понукаетъ старика Луковку крутить поскорѣе свадьбою. И это не даромъ.

« По крайней мѣрѣ, за этаго Сибирскаго козаки не постоятъ, выдадутъ головою; а надъ нами авось батюшка Царь взмилуется, проститъ насъ. »

« Нѣтъ, Кольцо, Московцы не намъ чета, не обманутся въ немъ, они не примутъ его за опальнаго Боярина, а потребуютъ настоящаго: его же всѣмъ намъ будетъ жаль. . . . »

« Что ты хочешь сказать, Ермакъ Тимофеевичь ? »

« То, что я подозрѣваю Грозу. »

« Быть этому нельзя, онъ настоящій козакъ. Многіе въ станицѣ помнятъ его отца, на котораго онъ, говорятъ, похожъ какъ двѣ капли воды лицемъ и удальствомъ.

«Правда, онъ славно представляетъ Донца, не только съ саблею въ рукахъ, но и съ варганомъ въ зубахъ. Правда, онъ еще недавно съ нами, но на послѣдней сшибкѣ дѣйствовалъ и головою какъ опытный атаманъ; но вглядись въ него поприлежнѣе, поговори съ нимъ безъ свидѣтелей — и замѣтишь въ поступкахъ его и рѣчахъ много отличнаго отъ нашего брата козака. Даромъ, что онъ молодъ, а лучше старика вѣдаетъ бусурманское Царство, разкажетъ тебѣ, что творится за моремъ, на краю свѣта; священныя же книги знаетъ, кажись, наизустъ, да и самъ говоритъ какъ по книгѣ.»

«Изъ этаго нельзя еще заключить, что онъ Князь Сицкій. Грамотѣ священной и всякой мудрости онъ могъ научиться въ

Черкасскѣ у попа Московскаго, который бѣжалъ туда послѣ опалы Митрополита, и говорятъ былъ зѣло книженъ. »

« Конечно, да я подслушалъ Грозу два раза: однажды онъ проговорился въ молитвѣ, прося Господа о помилованіи души отца своего, падшаго отъ гнѣва Грознаго, вдругоредь во снѣ, бредя Московскимъ дворомъ, своими родными, ближними. . . . »

« Удивительно, еслибъ ты ненадоумилъ меня, то мнѣ никогда не пришло бы въ голову подозрѣвать его. Жаль, что Грозы нѣтъ теперь здѣсь. Посмотрѣли бы, что сдѣлалъ онъ съ своимъ самозванцемъ ? »

« И въ этомъ ты ошибаешься. Я голову прозакладую, что давишній молодецъ, который орломъ влетѣлъ въ свѣтлицу съ завязанными глазами, былъ никто другой, какъ Гроза. »

«Невозможно, да онъ пошелъ отъ насъ на гульбу съ своею кошею далѣе за Каму.»

«Еще скажу тебѣ мудренѣе. Онъ любитъ дочь Атамана Луковки и любимъ ею взаимно.... Надобно спасти ихъ, не теряя времени, а о прочемъ потолкуемъ завтра въ станичной избѣ: утро вечера мудренѣе. Покамѣстъ сходи къ Луковкѣ, и если онъ еще ничего не вѣдаетъ про обманъ, то позови его сюда: я буду дожидаться васъ здѣсь до свѣту.»

Ермакъ сѣлъ на ближайшій голубецъ и погрузился въ самую глубокую думу. Онъ то изобрѣталъ способы пособить Грозѣ, то изыскивалъ средства отклонить отъ Раздоръ грозу Грознаго. «Жаль бѣдняка, проговорилъ онъ самъ съ собою; отъ всякой бѣды можно еще укрыться,

есть надежда избѣжать ее, всякую напасть можно перенесть, но потеря любезной, но измѣна — ничѣмъ не искупаются, никогда не забываются. Какъ ржа булатъ — съѣдаютъ онѣ ретивое.» Тутъ онъ тяжко вздохнулъ. — « Что слава, богатство и самыя почести, когда неспокойно вотъ тутъ, подъ этою зыбучею бронею. — Злодѣй, соблазнитель! за чѣмъ разрушилъ мое счастіе на вѣкъ, за чѣмъ ввелъ меня въ преступленіе, которое напрасно я оплакиваю болѣе десяти лѣтъ, напрасно хочу смыть невинную кровь въ пылу кровопролитій и опасностей, напрасно ищу смерти! Ахъ! за чѣмъ Мещерякъ открылъ мнѣ глаза. Лучше бы не знать, не видать своего позора: я былъ бы счастливъ своимъ заблужденіемъ, я любилъ бы и считалъ себя люби-

мымъ. . . . Нѣтъ! онъ поступилъ какъ лучшій другъ мой, онъ снялъ съ меня оковы, недостойные козака, постыдные для человѣка. . . . Онъ мой благодѣтель! . . Я теперь свободенъ, какъ птица поднебесная, я не пресмыкаюсь болѣе у ногъ слабаго, ничтожнаго творенія. Одна слава питаетъ эту душу. . . Но если рука моя поразила сердце, бившееся постоянствомъ, если въ упоеніи ревности, я повѣрилъ навѣтамъ злодѣя. . . Боже! скоро-ли сія мысль перестанетъ меня преслѣдовать?» . . . Онъ остановился, но подумавъ не много, продолжалъ:

«Такъ! во-что бы ни стало, а составлю благополучіе Грозы, испытаю, можетъ ли счастіе другаго коснуться моего рептваго? Если жадный Луковка потребуетъ богатства, то отдамъ Володиміру

все, что ни имѣю. На что мнѣ драгоцѣнные зипуны, шпофы, ашласы, золотая и серебряная сбруя, когда они не утѣшаютъ меня, когда могутъ составить блаженство храбраго товарища? »

Едва онъ вымолвилъ слова сіи, какъ почувствовалъ себя въ объятіяхъ человѣка, крѣпко его сжавшаго. Гроза не могъ долѣе выдерживать чувствъ своей благодарности, не могъ долѣе сомнѣваться въ искреннемъ къ себѣ участіи Ермака. Онъ-то кинулся къ нему на шею, восклицая: «Ты не ошибся, Ермакъ Тимофеевичь, ты облагодѣтельствуешь благодарнаго. »

« Какъ я радъ, отвѣчалъ Ермакъ, что ты меня подслушалъ. Скорѣе дѣло къ концу. Но скажи, Володиміръ, однимъ словомъ, ошибаюсь я въ тебѣ или нѣтъ? »

« Нѣтъ, благодѣтель мой, и ни въ чемъ. Грѣшно бы было мнѣ скрываться долѣе отъ тебя. Такъ, я точно тотъ несчастный Ситскій. . . . »

« Богъ милостивъ, все поправится: теперь откройся мнѣ, какимъ образомъ ты такъ искусно прикинулся подъ ложнымъ именемъ Грозы и нѣтъ-ли у тебя какого ни есть доказательства, для убѣжденія Луковки, что ты настоящій Князь ? »

« Когда вѣсть объ опалѣ нашему дому достигла до Строгоновыхъ и имъ приказано было немедленно выдать меня Воеводѣ Чердынскому, тогда великодушный Денисъ Орелъ, первый другъ и совѣтникъ Максима Яковлевича, скрылъ меня и выпроводилъ на Донъ, подъ именемъ козака Грозы, утонувшаго предъ тѣмъ въ Камѣ. Въ увѣреніе же то-

го, я сохранилъ грамашку, которую покойный батюшка писалъ ко мнѣ въ Великую Пермь.»

«Да сказано ли въ ней, сколько ни есть, о сватовствѣ ихъ съ Луковкой?»

«Какъ же! покойный батюшка упомянулъ даже о грамашѣ, которую отправитъ со мною на Донъ.»

«Хорошо! но для чего же ты мнѣ доселѣ не открылся? Ты вѣдалъ, что я полюбилъ тебя съ первой нашей встрѣчи на Волгѣ и не умѣю измѣнить.»

«Прости меня, Ермакъ Тимофеевичь, но ты самъ вѣдаешь, что нынѣ не тѣ времена, когда всѣ гонимые и опальные укрывались на Дону безопасно. Притомъ открою тебѣ еще тайну свою: благодѣтель нашего роду Бояринъ Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ обнадежилъ меня,

что испроситъ мнѣ прощеніе у Царя Іоанна Васильевича.

« Это весьма хорошо. Да нѣтъ ли у тебя и отъ него грамашки ? »

« Какъ не быть ! »

« Теперь я надѣюсь, что на нашей сторонѣ будетъ праздникъ. Скажи еще, кто этотъ выходецъ, который называется твоимъ именемъ и для чего ? »

« Я видѣлъ его вчера мелькомъ, только чуть ли это не тотъ Опричникъ, который посланъ былъ отвезти бѣднаго отца моего въ Соловки ? »

« Спапочное дѣло ! Но что за охота пришла ему назваться твоимъ именемъ и женишься на Великѣ. »

« Тутъ могутъ скрываться великіе умыслы. — Луковкино богатство вскружило ему голову, а увидѣвъ Велику, рѣшился достать ее

во-что бы ни стало. Можетъ быть онъ ужъ и женатъ: какое дѣло? Опричники не ставятъ въ грѣхъ женишься отъ нѣсколька живыхъ женъ, коли нельзя сманить или отнять приглянувшейся имъ дѣвушки. Царь не только ихъ ободряетъ, но тѣшится такимъ удальствомъ своихъ клевретовъ.»

«Изверги?»

«Знаешь ли, Ермакъ Тимофеевичь, присовокупилъ Гроза, какъ я пробирался сюда, встрѣтился мнѣ молодецъ сей, кажись, рука объ руку съ Мещерякомъ. Ужъ не вывѣдывалъ ли ашаманъ нашъ его тайны? Не для того ли онъ съ нимъ подружился?»

Ермакъ былъ очень доволенъ симъ откры-тіемъ, надѣясь, что Мещерякъ ничего отъ него не скроетъ,

Красное солнышко застало нашихъ героевъ еще на кладбищѣ, но ни Луковка, ни Кольцо къ нимъ не возвращались.

ГЛАВА IV.

Рать Московская у Раздоровъ.— Мещерякъ подозрѣвается въ измѣнѣ. — Московскій посланецъ. — Кругъ на Майданѣ. — Московецъ требуетъ выдачи головъ опальныхъ Атамановъ. — Ропотъ. — Отвѣтъ, произнесенный Ермакомъ. — Объявленіе войны Царю Московскому.

Вѣсть о близкой опасности съ быстротою молніи разнеслась по берегамъ тихаго Дона. Изъ всѣхъ станицъ козаки, даже пенные (1),

(1) Пенные козаки, т. е. порочные, въ круги не допускались и бывали прощаемы только при самыхъ трудныхъ предпріятіяхъ. Въ такомъ случаѣ призывались грамотами въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Соберитесь въ войско всѣ Атаманы молодцы, пенные и испенные, а вины ихъ имъ отдадутся, ослушники же да лишатся расправы войска.» Сіе послѣднее значило лишеніе гражданства.

спѣшили къ Раздорамъ, которые походили тогда на кипящее море. Вездѣ толковали, вездѣ судили, рядили, горячились и говоръ народный уподоблялся рокоту валовъ, ударяющихся объ утесы кремнистой скалы. Особенно на Майданѣ толпился народъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ гонца Московскаго.

Въ семъ ужасномъ недоумѣніи прошло нѣсколько сутокъ, а никакого гонца не пріѣзжало, хотя несмѣтная рать Московская стояла не въ дальнемъ разстояніи отъ Раздоровъ. Единственною отрадою и успокоеніемъ народу служили разумныя рѣчи Атамана Ермака Тимофеевича, что увеличило еще болѣе всеобщую къ нему любовь и уваженіе.

Неудовольствія и опасенія козаковъ усугубились бѣгствомъ жени-

ха, выдававшаго себя за Князя Сипскаго. Онъ исчезъ въ тотъ почти часъ, какъ должна была совершиться его свадьба. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, сдѣланныхъ ему Ермакомъ и сбивчивости его въ отвѣтахъ, онъ, безъ сомнѣнія, заключилъ, что его стали подозрѣвать и расчелъ, что если подлогъ его откроется, то ему кружиться вмѣсто брачнаго алтаря вокругъ осины. Нѣсколько козаковъ показало, что передъ самымъ уходомъ видѣли его разговаривающимъ съ Мещерякомъ. Раздраженный народъ хотѣлъ кинуться на сего послѣдняго и выпытать правду, хотя Мещерякъ божился Атаманамъ, что не вѣдаетъ никакихъ его умысловъ, что принималъ его точно за Князя Сипскаго и былъ въ частомъ съ нимъ сношеніи только по обязанности свата. Со всѣмъ тѣмъ од-

но заступленіе Ермака могло спасти его отъ насилія народнаго. Ермакъ, чистый совѣстію, судилъ о другихъ по себѣ: онъ не могъ представить, чтобъ нашелся предатель между людьми храбрыми, между братьями? Подъ величайшею клятвою объявилъ онъ наконецъ Луковкѣ тайну Грозы и взялъ съ него согласіе на бракъ его съ Великою, когда пройдетъ ударъ, висящій надъ Раздорами.

На третій день съ восходомъ солнечнымъ по дорогѣ отъ Московскаго лагеря, показалось облако пыли: оно придвигалось ближе и ближе; порывистый вѣтеръ разсѣялъ его на двѣ стороны и открылъ отрядъ Московской конницы. Взоры всѣхъ обратились на ту сторону, всѣхъ сердца дрогнули. У въѣзда въ городъ отрядъ остановился, а изъ среды его выѣхалъ ратникъ, покрытый

съ ногъ до головы блестящими какъ огнь доспѣхами, на конѣ, залитомъ въ серебро и золото. Онъ смѣло продолжалъ путь свой до Майдана и, приближась къ становой избѣ, гдѣ собрался огромный кругъ козаковъ и развѣвалось жалованное Царемъ знамя, проворно соскочилъ съ своего коня.

Москвитянинъ гордо всталъ посреди Атамановъ. Низкимъ поклономъ привѣтствовалъ его Луковка; взоромъ, полнымъ достоинства, встрѣтилъ его Ермакъ. Посланецъ снялъ съ головы косматый шеломъ свой и, обратясь къ Луковкѣ, какъ къ старѣйшему Атаману, началъ слѣдующую рѣчь:

«Великій Государь Царь Іоаннъ Васильевичь!» Говори великому войску Донскому» — раздалось въ народѣ. Посланецъ остановился. —

« Почти великое войско Донское! » загремѣло на площади — и Москвитянинъ, какъ будто спохватившись, поклонился на всѣ четыре стороны и продолжалъ:

« Храбрые сыны тихаго Дона! « давно ли были вы вѣрнѣйшими « слугами Царя Бѣлаго, давно ли вы « получили милостивое слово Цар- « ское и награды за службу свою « вѣрѣ и чести. И признательный « Государь оставилъ вамъ ваши пра- « ва и вольности. Признайтесь са- « ми: была ли когда стѣсняема « свобода ваша, развѣвались ли ког- « да знамена Русскія въ станицахъ « козацкихъ? И это продолжилось « бы до скончанія міра, если бъ « вы сами не нарушили правъ своихъ, « если бъ вы сами не поругались надъ « присягою своей и клятвами, ес- « ли бъ вы изъ храбрыхъ, добрыхъ

« воиновъ не стали. . . . Да! слушай-
« ше слова самаго Царя Бѣлаго; « *не*
« *стали гнусными разбойниками...* »

Шумный ропотъ перервалъ его рѣчи; тысячи рукъ схватились за мечи. Но грозный взоръ Ермака остановилъ дерзновенныхъ. « Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ, » воскликнулъ онъ, и народъ умолкъ.

« Ваши юрты, » продолжалъ Москвитянинъ, « стали убѣжищемъ « опальныхъ холоповъ Царскихъ. Бѣ-
« глецы наши, вмѣсто позорной казни,
« находятъ у васъ честь и уваженіе, и
« о стыдъ! о посрамленіе! мимо спа-
« ницъ вашихъ, словно мимо верше-
« повъ хищныхъ звѣрей, не стало про-
« ѣзду ни конному, ни пѣшему. Что
« подумалъ Шахъ Персидскій о поддан-
« ныхъ Царя Русскаго, когда узналъ,
« что Посолъ его ограбленъ ими,
« что подумалъ бы и о самомъ Царѣ,

« если бъ онъ не умѣлъ остановить
« и наказать дерзновенныхъ, пося-
« гнувшихъ на столь священную
« особу, уважаемую даже самыми
« дикими варварами? — Велики ви-
« ны ваши предъ Государемъ Царемъ,
« козаки Донскіе, но больше еще
« милость его къ вамъ.... Царь
« Іоаннъ Васильевичь прощаетъ васъ,
« забываетъ вины ваши, но пре-
« буетъ немедленно выдачи головою
« Атамановъ: Ермака, Кольца, Грозы
« и Мещеряка, какъ главныхъ винов-
« никовъ послѣднихъ неистовствъ,
« а изъ нихъ еще перваго какъ дер-
« зкаго раба, осмѣлившагося всту-
« пить въ переговоры съ своимъ
« Владыкою, отъ собственнаго сво-
« его имени, забывшагося до того,
« что возмечталъ устрашать Царя
« Русскаго. Бритоусовъ, достойный
« посланецъ сихъ разбойниковъ, по-

« лучилъ уже достойное наказаніе,
« а кровь ихъ должна омыть пре-
« ступленіе цѣлаго войска, устра-
« шить дерзновенныхъ и непослуш-
« ныхъ. *Одна покорность смягчитъ*
« Царскій гнѣвъ. . . . » Онъ указалъ на *поле*, гдѣ какъ черныя тучи, сбирались грозныя Московскія рати.
« Требую сей часъ же исполненія
« воли Царя милосердаго. . . . »

Ропотъ негодованія не допустилъ его продолжать далѣе. Напрасно онъ *требовалъ слова*, напрасно нѣсколько *разъ начиналъ говорить*, — его не слушали, шумѣли, горячились и ждали, что скажетъ Ермакъ. Но сей послѣдній мѣдлилъ нарочно, чтобы узнать духъ народный. Онъ давалъ время народу дѣлиться на круги, толковать. Онъ хотѣлъ увидѣть вліяніе, которое будутъ имѣть приверженцы Москвы, хотѣлъ

прислушаться къ рѣчамъ ихъ. Тщетно Луковка старался доказывать, что благоразуміе требуетъ покориться Царской волѣ и что Государь, довольный ихъ послушаніемъ, безъ сомнѣнія, помилуетъ Атамановъ, имъ осужденныхъ. — «Къ чему послужитъ наше сопротивленіе, говорилъ онъ, наша храбрость, только разгнѣваетъ Царя болѣе, а не спасетъ головъ опальныхъ. Или вамъ любо будетъ смотрѣть, какъ тихій Донъ потечетъ кровію вашихъ единокровныхъ, какъ запылаютъ наши жилища, какъ не останется камня на камнѣ въ нашей родинѣ, какъ дѣтей и женъ повлекутъ въ Азовъ для продажи невѣрнымъ, а остатокъ упорныхъ братій вынужденнымъ найдется искать покрова и убѣжища у Царя бусурманскаго.»

Козаки подходили слушать его, даже похваляли слова его, но тотчасъ же оставляли и присоединялись къ кругамъ, гдѣ ораторы кипѣли негодованіемъ на рѣчи посланца Московскаго и поступокъ съ Бритоусовымъ, гремѣли войною кровавою, непримиримою.

Наконецъ всѣ кинулись въ одну сторону — къ рундуку войсковой избы, тамъ заговорилъ Ермакъ Тимофеевичь. Внезапно водворилась такая тишина, что послѣдній шорохъ, малѣйшее движеніе были слышны въ самомъ отдаленномъ углу.

«Товарищи и братія по вѣрѣ и мечу! Великое войско Донское всегда видѣло, что польза его дороже мнѣ самой жизни, что жизнь моя ни что для меня, когда дѣло идетъ о его славѣ; то могло ли оно подумать, что возбуждая его поддер-

жать честь и доброе имя, — я хочу кровію его спасти свою голову. Нѣтъ! эта постыдная дума, я знаю, не придетъ въ голову храбрыхъ, доблестныхъ моихъ товарищей! Нѣтъ! они увѣрены, что Ермакъ самъ себѣ распоретъ грудь — если нужно вынять изъ нее сердце, своими руками вытянетъ себѣ жилы — если нужна веревка для его выи, положитъ сей часъ на плаху голову — если нужна она для вашего спокойствія, чести и славы...»

«Вѣримъ, вѣримъ!» грянуло подобно громовому удару и снова умолкло.

«Но выполнивъ слѣпо волю Іоанна, купите ли вы себѣ спокойствіе, честь и славу?»

«Умремъ, а не выдадимъ Атамановъ нашихъ,» раздалось снова въ народѣ.

« Постойте, выслушайте и рѣшите, » продолжалъ Ермакъ. « И такъ уже Царь Московскій хочетъ, чтобъ безъ его разрѣшенія храбрые Донцы не смѣли громить Азова, не смѣли разгуляться на степяхъ Крымскихъ и Буджацкихъ, поднять паруса на Черномъ морѣ: Царь забылъ, что еще дѣдъ его жаловался на насъ Салтану; а отцу его Салтанъ говорилъ, что Донцы сидятъ у него, какъ бѣльмо на глазу. Теперь же, что мы стали и что станемъ? — Скоро спѣсивый Боярinъ придетъ въ Раздоры располагать нашими женами и дѣтьми. Скоро. . . . »

« Довольно, довольно, » закричалъ народъ. — « Постоимъ за себя. . . . »

« Слышишь ли отвѣтъ Царю Московскому свободнаго Донскаго войска, » сказалъ Ермакъ, обратясь

къ посланцу, другаго не жди!» И сей послѣдній мгновенно вскочилъ на борзаго коня своего и исчезъ въ облакахъ пыли.

ГЛАВА V.

Раздоры раззорены войскомъ Іоанна Грознаго. — Ермакъ съ дружиною укрываепся въ подземельѣ. — Очаровательная пещера. — Раненый Гроза. — Вѣроломство Мещеряка.

Если бъ недовѣрчивый читатель не имѣлъ возможности повѣрить слѣдующее описаніе на самомъ мѣстѣ, если бъ еще доселѣ не существовали живописныя салактитовыя пещеры по крутымъ берегамъ Волги, близъ впаденія въ нее Камы и по горамъ, идущимъ вверхъ сей послѣдней рѣки; то можно бы подумать, что мы хотимъ представить баснословные чертоги волшебниковъ и

волшебницъ, упоминаемыхъ въ сказкахъ того вѣка, или по крайней мѣрѣ описать золотую палату Кремлевскаго Дворца Царскихъ временъ при посольскихъ аудіенціяхъ; но какъ ни великолѣпна была сія послѣдняя, какъ ни горѣли тогда разными огнями вѣнцы и ризы чудотворныхъ иконъ и Царскаго Престола, какъ ни блестѣли золотыя кружева по стѣнамъ нашянутыя, какъ ни ярко отражалось зарево тысячи свѣчь на золотой и серебряной посудѣ, возвышавшейся пирамидою у середняго столба; но все это не могло бы дать полной картины огромной храмины, по серединѣ коей, вокругъ пылающаго костра лежало нѣсколько человѣкъ. Яркія радуги играли поперемѣнно перламутомъ и опаломъ на гладкихъ стѣнахъ и полукругломъ ея сводѣ.

Высокія колонны готической архитектуры, составленныя изъ драгоцѣнныхъ аметистовъ, аквамариновъ и изумрудовъ, поддерживали его средину, а въ углубленіяхъ примѣтны были ниши, отдѣлявшіяся отъ центра мраморными, какъ снѣгъ бѣлыми, пилястрами, низъ коихъ, казалось, обтянутъ былъ зеленымъ бархатомъ. Къ умноженію очарованія, въ одной изъ сихъ впадинъ вспыхивалъ по временамъ яркій свѣтъ и открывалъ длинный рядъ таковыхъ же ротондъ, а напротивъ его подобное отверстіе, изсѣченное на половинѣ воздушнаго свода, освѣщаясь также по временамъ, представляло столь очаровательное зрѣлище, что нельзя было ни къ чему болѣе примѣнить его, какъ къ раскрытымъ врапамъ самаго неба! Уже не однѣ

драгоцѣнности природы обнажалъ яркій лучь, исходившій изъ онаго, нѣтъ! онъ, казалось, выносилъ съ собою радость и веселіе изъ обители Боговъ.

Такова была пещера, находящаяся близъ Тепюшъ, въ горѣ, гладкой какъ стѣна. Къ сожалѣнію, она весьма пострадала въ послѣднія времена сколько отъ стихій, а болѣе того отъ людей, обломавшихъ ея капельники; совсѣмъ тѣмъ при свѣтѣ факеловъ взоръ путешественника бываетъ приведенъ въ восхищеніе, особенно если зажечь нефть, которая плаваетъ по поверхности небольшаго озерка, находящагося въ верхней пещерѣ, изъ коей проведена арка въ самомъ потолкѣ, какъ будто изсѣченная рукою человѣка. О высотѣ второй пещеры можно судить изъ того, что къ ней ве-

дупъ не менѣе ста ступеней, выдолбленныхъ по шероховатой корѣ капельниковъ. У окрестныхъ поселянъ до сей поры существуетъ преданіе, что въ этой пещерѣ живетъ мѣдный змѣй, коего шипѣніе слышится каждый день при восходѣ солнца, когда онъ поднимается съ своего логовища. Суевѣріе сіе объясняется тѣмъ, что первые солнечные лучи прямо ударяютъ въ отверстіе пещеры, усѣянное капельниками и издали точно представляютъ страшилище, покрытое свѣтлою чешуею. Ревъ же, свистъ и шипѣніе, происходя отъ быстраго движенія воздуха, соотвѣтствуютъ силѣ стремленія его въ подземельѣ, подобно голосу, издававшемуся Мемноновыми статуями.

Но что это за люди, забравшіеся въ сей неприступный вертепъ,

окруженный со всѣхъ сторонъ дремучимъ лѣсомъ и купами безобразныхъ камней, между коими пролегаетъ къ нему самая узкая лазея? Судя по воинственному виду, по множеству доспѣховъ, коими каждый изъ нихъ снабженъ, по тишинѣ и благочинію, которое между ими царствуетъ, можно бы подумать, что это сторожевый отрядъ стройной рати Московской. Но кого стеречь ему на уединенныхъ берегахъ отдаленной Камы? Но за чѣмъ укрываться ему отъ Божьяго свѣта, заходитъ, какъ робкимъ татямъ, въ подземелье, гдѣ среди бѣла дня такъ мрачно, какъ въ осеннюю полночь? Ужъ это не шайка ли тѣхъ недобрыхъ людей, которые наводятъ ужасъ на пловцовъ Волжскихъ, которые залегаютъ въ осоку, камышь, за подводные камни, чтобъ ястребомъ

налетѣть на стругъ или лодку; которые не даютъ пощады ни другу, ни недругу, и дѣлаютъ плаваніе по Волгѣ опаснѣе самаго моря Хвалынскаго? Да и одежда ихъ обрызгана кровью, и на мечахъ ихъ запеклась она словно ржа темничная! Но шайки удальцовъ приволжскихъ не бываютъ такъ многочисленны; много, много состоятъ изъ двухъ, трехъ десятковъ, а здѣсь ихъ болѣе четырехъ сотенъ, самый отдыхъ удальцовъ тѣхъ бываетъ шуменъ и неистовъ.

Долго бы пришлось намъ доискиваться, кто эти воины, еслибъ неожиданная тревога не помогла отгадать безъ малѣйшаго труда.

Рѣзкій свистъ раздался на поверхности подземелья. Свистъ повторился, и мужчина среднихъ лѣтъ, по видимому, начальникъ дружины,

махнулъ рукою. Это было повелѣніемъ человѣкамъ пяти кинуться въ ту сторону, откуда свистъ вторился еще подъ сводами. И снова воцарилась тишина.

« Что за дьявольщина, » сказалъ лежавшій подлѣ Атамана человѣкъ въ черной буркѣ, « молодцы наши давно побѣжали, а еще не возвращались. »

« Нѣтъ ничего диковиннаго : съ попыховъ побѣжали прытко, а вскорѣ ноги и отказались служить. »

« Правду сказать, Ермакъ Тимофеевичь, послужили они намъ эти деньки вѣрою и правдою. »

« Да, братъ Кольцо, насилу ушли отъ Москалей и добрались до безопаснаго мѣстечка, гдѣ можемъ отдохнуть и образумиться. »

« Воля твоя, Ермакъ Тимофеевичь, а мнѣ сдается, что Воевода Му-

рашкинъ не сталъ бы и не съумѣлъ бы такъ тѣснить насъ, если бъ не указали ему слѣдовъ нашихъ. »

«Неужели ты думаешь на Луковку?»

« Нѣтъ на другаго, у котораго болѣе смысла, да менѣе чести. »

« Ну, право, я не отгадаю. »

« Сказалъ бы и доказалъ бы, да ты не любишь слышать, чтобъ его уличали. »

« Понимаю, ты хочешь сказать объ Аѳаманѣ Мещерякѣ; но этому быть нельзя. У насъ нѣтъ между собою болѣе никакой досады и онъ мнѣ доказалъ свою дружбу. »

« Ты, Аѳаманъ, судишь всѣхъ по себѣ. Конечно, ты забылъ всѣ его противу тебя пакости и козни, да онъ-то не таковъ. Въ его Татарскомъ сердцѣ и совѣсть бусурманская, которыя во всю жизнь не прощаютъ ни малѣйшей обиды. »

«Перестань, ради Бога, объ этомъ говорить! Ты знаешь, что мнѣ тяжело вспоминать про старое.»

«По крайней мѣрѣ, Ермакъ Тимофеевичь, мы должны взять свои предосторожности. Повѣрь мнѣ, что Мещерякъ не дорого возметъ навести на насъ Москалей, тогда какъ мы не въ состоянiи будемъ ни отразить ихъ, ни спастись отъ нихъ. Они захватятъ насъ здѣсь, какъ мышей въ западнѣ. Вѣдь онъ слышалъ, какъ ты назначалъ Атаманамъ сію пещеру послѣднимъ сборнымъ мѣстомъ.»

Ермакъ нахмурилъ свои черныя брови; онъ хотѣлъ что-то сказать, какъ вбѣжавшiй козакъ объявилъ, что несутъ полумертвымъ Атамана Грозу. При семъ имени всѣ козаки вскочили и изъявили искреннюю
а радость, ибо полагали его убитымъ.

Ермакъ первый кинулся на встрѣчу къ юному своему любимцу, который почти безъ чувствъ лежалъ на широкомъ опашнѣ. Румянецъ съ полныхъ ланитъ его заслонился смертною блѣдностію, взоръ его, до сего быстрый, ясный, обратился въ томный, изнуренный; но со всѣмъ тѣмъ лице его, не поперявъ доброты своей, не потеряло и той привлекательности, которая выражала чистую душу юноши. Ермакъ велѣлъ тихо положить Грозу у огня на медвѣжью кожу и тотчасъ перевязать ему раны. Кольцо, искусный въ лѣченіи всякаго рода язвъ, съ поспѣшностію исполнилъ сіе пріятное для него порученіе и наказавъ всѣмъ удалиться отъ больнаго, дабы не тревожить его ни вопросами, ни шумомъ, присла-

вилъ къ нему на часы надежнаго козака.

Когда Кольцо распорядился, какъ только можно было лучше для спокойствія и облегченія страданій Грозы, то приблизясь къ Ермаку, сказалъ: «Слава Богу, привелось намъ еще увидѣть нашего храбраго товарища; но, кажись, не на долго, онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.»

«Почему же ты теряешь надежду,» спросилъ Ермакъ.

«Да рана-то глубоко прошла къ сердцу! Дивлюсь, какъ Володиміръ, съ его проворствомъ и храбростію, могъ допустить такъ ловко поддѣть себя? Ужъ не рукали какого мошенника тайкомъ или измѣною поразила его?»

«Кажись, у Грозы не было непріятелей, всѣ его любили, а по ранамъ, дружища, нельзя узнать, какъ

и отъ кого получилъ ихъ: онѣ въ частую бываютъ такія мудреныя...»

«То такъ, Атаманъ; да развѣ ты забылъ Московскаго Самозванца и не видалъ, какъ онъ изъ-подпишка во время бою подбирался къ своему сопернику съ кѣмъ-то другимъ въ отпущенномъ забралѣ?»

«На то война.»

«Видно до тебя не дошла вѣсть, что въ ту ночь, какъ на Майданѣ рѣшено было не выдавать насъ, а лицемѣръ Луковка, видя, что ихъ не взяла, и всѣ козаки увиваются вокругъ Грозы, бросился къ нему на шею, называя его своимъ сыномъ, что въ ту ночь насилу Володиміръ отбился, и то благодаря свою вѣрную собаку Султана, отъ трехъ злодѣевъ, бросившихся на него изъза тына, когда онъ выходилъ отъ

шебя послѣ послѣдняго круга? Воля швоя, а это дѣло своихъ. »

« Неужели подозрѣваешь Луковку въ столь гнусномъ вѣроломствѣ? »

« Нѣтъ! опять того же, который готовъ на всякое вѣроломство. »

« Право, Кольцо, если бы я не зналъ швою душу, то подумалъ бы, что ты изъ зависти или мщенія всякое злодѣйство приписываешь Мещеряку? »

« Нѣтъ, Атаманъ, лично мнѣ онъ никакого худа не сдѣлалъ, да дѣлать его худыя, и одинъ ты изо всего войска ихъ не знаешь. Моли Бога, что отдѣлался отъ этой змѣи! Ты слишкомъ вѣрилъ его сладкимъ словамъ и раболѣпству, а онъ удружилъ бы тебѣ лучше стараго при первомъ случаѣ. . . .

« Право, я не замѣтилъ ничего вреднаго и подозрительнаго въ его

поступкахъ. — Напротивъ, онъ казался мнѣ вѣрнымъ и храбрымъ козакомъ. »

« Ужъ не отъ вѣрности ли и храбрости попался онъ первый въ плѣнъ Москалямъ ? »

« Онъ первый кинулся на врага. »

« И пропалъ. . . . »

« Мудренаго ничего не было : Москали такъ хитро заслонили свою пѣхоту конницею. »

« Да какъ же они отгадали всѣ наши засѣки ? Почему же Воевода Русскій, вмѣсто того, чтобъ итти прямо на городъ, вырѣзалъ Татарами отрядъ храбраго Грозы. Отъ чего онъ зналъ всѣ завалы наши, нападалъ тамъ, гдѣ мы были слабѣе ! Будь у него орлиный взоръ, ему бы этаго не взвидѣть, а былъ у насъ предатель, и воля

швоя, я ни на кого другаго, кромѣ Мещеряка, не думаю. »

«Кого начнешь подозрѣвать, тотъ и безъ вины покажется виноватымъ. Скорѣе можно подумать на Есаула Самку: онъ крѣпче всѣхъ стоялъ за Московскаго Царя, и первый внушилъ мысль Луковкѣ съ единомышленниками своими оставить Раздоры до кровопролитія. »

« Правда! Самка крѣпко настаивалъ, чтобъ покориться волѣ Грознаго; но онъ говорилъ громко, доказывалъ смѣло, онъ былъ пропивнаго мнѣнія о пользѣ и чести Казацкаго войска и только. Такіе люди неспособны къ предательству; къ тому же одни Атаманы вѣдали о швоихъ распоряженіяхъ? »

« Правду сказать, любезный Кольцо, я самъ полагаю, что намъ измѣнили. Наши рѣзались славно съ

Стрѣльцами, крошили ихъ по молодецки и они ничего не взяли бы у насъ, не смотря, что впрое были сильнѣе, коли бъ попали въ западню, и арпаулы наши очушились у нихъ за спиною. Впрочемъ, видно, шакъ суждено Свыше: Его святая воля. Прошедшаго не воротишь, а подумаемъ о настоящемъ. »

Разговоръ прервался приходомъ козака, приставленнаго къ Грозѣ: онъ объявилъ, что больной пребуетъ къ себѣ непремѣнно Атамана, желая передъ смертію что-то ему повѣдать.

ГЛАВА VI.

Бесѣда Ермака съ Грозою. — Мнимоумершій. — Жалобы на бездѣйствіе Ермака. — Шаманъ. — Колдовство. — Гроза ожилъ.

Странно, удивительно было видѣть грознаго Ермака, растроганнаго до такой степени, что слезы капились по лицу его, тѣмъ болѣе, что это, вѣроятно, случилось въ первый разъ въ его жизни. Ермакъ, взиравшій доселѣ на смерть подобнаго себѣ человѣка съ такимъ хладнокровіемъ, съ какимъ смотримъ мы на тихій сонъ странника, Ермакъ, закалившій сердце, подобно

своему булатному товарищу безжалостію — льетъ слезы у болѣзненнаго ложа юноши — ему чуждаго, ему мало знакомаго! Но такова сила истинныхъ доблестей надъ сердцами героевъ? Ермакъ забылъ, казалось, на то время ролю, которую судьба опредѣлила ему играть на свѣтѣ — ролю — непричастнаго всѣхъ напастей и ощущеній, чтобъ повелѣвать людьми, Ермакъ съ чувствомъ искренняго сострадания уговаривалъ юнаго своего друга, не предаваться отчаянію, а уповать на милость Божію.

«Позволь, отецъ мой, говорилъ Гроза слабымъ голосомъ, позволь сказать тебѣ еще одно мое желаніе, не смѣю сказать совѣтъ...»

«Я готовъ, сынъ мой, отвѣчалъ Ермакъ, все отъ тебя выслушать, все отъ тебя принять; но боюсь,

что дальнѣйшее напряженіе можетъ повредить тебѣ, а потому отложимъ разговоръ нашъ до другаго времени. »

« Нельзя, — чувствую, что скоро силы оставятъ меня; но я умру покойно, когда исповѣдаю тебѣ думы мои. Ими я жилъ; для нихъ побоpалъ самую смерть. »

« Говори, я слушаю.... »

« Помнишь-ли, Ермакъ Тимофеевичь, когда я описывалъ тебѣ жизнь свою у Строгоновыхъ въ Великой Перми, изобиліе и богатство невѣдомыхъ странъ, за нею лежащихъ, ты сказалъ, что хотѣлось бы тебѣ самому извѣдать тѣ края. О! это крѣпко залегло въ мою душу, а со времени послѣдней нашей бѣды, когда болѣе не существуетъ, можетъ быть, твоя родина и истребленo имя Донскихъ козаковъ, гдѣ тебѣ

искать вѣрнаго пристанница, какъ не въ Великой Перми? — она не выходитъ у меня изъ головы. Если Богу неугодно допустить меня быть тебѣ путеводителемъ, то лежа въ сырой землѣ, порадуюсь за тебя. »

« Сознаюсь, любезный Владиміръ,» сказалъ Ермакъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, «что въ послѣднее время и мнѣ мысль сія представлялась неоднократно. »

« Ради Бога, Ермакъ Тимофеевичь, не отвергай ея — познай, что она указана тебѣ Свыше. »

« Для этаго надобно, сынъ мой, еще много обдумать, много поговорить съ тобою. Но перестанемъ, я боюсь, чтобъ ты себѣ не повредилъ излишнимъ напряженіемъ.» — Съ этимъ словомъ онъ пристально взглянулъ на юношу и съ ужасомъ отпустилъ его руку — она охладѣла,

глаза его сомкнулись, губы помертвѣли и сердце перестало биться. — «Его не спало,» вскричалъ Ермакъ съ искреннимъ прискорбіемъ и спѣшилъ позвать Кольцо для поданія ему помощи.

Когда не осталось ни малѣйшаго признака жизни; то Ермакъ отдалъ послѣдній долгъ доброму товарищу, похоронивъ его въ верхней пещерѣ; при чемъ великолѣпіе и пышность обрядовъ замѣнены были всеобщимъ сожалѣніемъ, слезами и благословеніями памяти усопшаго.

Прошло болѣе сутокъ послѣ смерти Грозы, какъ вбѣгаетъ въ подземелье косматая, большая собака. Нѣкоторые козаки вспомнили, что это Султанъ, вѣрный спутникъ покойника, подзывали его къ себѣ, манили; но онъ ни на кого не смотрѣлъ, никого не слушался, а

бѣгалъ по пещерѣ, обнюхивая всѣ углы и особенно тѣ мѣста, гдѣ лежалъ его хозяинъ. Наконецъ Султанъ кинулся въ верхнюю пещеру, гдѣ похороненъ Гроза и съ воемъ сталъ рыть могилу. Потомъ сбѣжалъ въ низъ, между всѣми отыскалъ Атамана Ермака и началъ вокругъ его ластиться и выть жалобно. Долго не понимали, чего Султанъ хочетъ; всякой толковалъ по своему тѣлодвиженія и визгъ собаки, дивясь ея смышлености, что выбрала изо всѣхъ козаковъ старшаго въ свои хозяева; но Султанъ, казалось, вышедъ изъ терпѣнія отъ непонятливости людей, схватилъ Ермака за полу и потащилъ его за собою въ верхъ. Каково же было горе и отчаяніе козаковъ, за нимъ послѣдовавшихъ изъ любопытства, когда изъ ямы, которую вырыла

собака надъ могилою своего хозяина, раздавался глухой стонъ. Ермакъ въ минуту кинулся разрывать ее и въ минуту открыли гробъ. Къ общему всѣхъ ужасу и радости нашли, что умершій перевернулся въ гробѣ и дышалъ еще, хотя весьма слабо. Нельзя вообразить всего того, что дѣлалъ Султанъ въ изъявленіе своей радости и благодарности: онъ скакалъ на всѣхъ, лизалъ всѣмъ руки, ноги и тотчасъ же улегся у изголовья своего хозяина, когда его перенесли внизъ и не допускалъ къ нему никого, кромѣ Ермака и Кольца. Къ сожалѣнію, всѣ врачебныя средства сего послѣдняго были тщетны, всѣ попеченія и усилія Ермака не имѣли никакого успѣха: больной ни сколько не поправлялся и въ продолженіе трехъ сутокъ одно слабое

дыханіе показывало, что въ немъ тлѣется еще искра жизни.

Сіе болѣзненное состояніе любимаго всѣми товарища распространяло какую-то горесть на всю дружину. Ермакъ сдѣлался еще мрачнѣе и безмолвнѣе. Кольцо рѣдко могъ добиться отъ него слова: онъ не удивлялся его суровости, но не могъ понять его бездѣйствія. Прошло уже болѣе двухъ недѣль, какъ они укрывались въ пещерѣ: продовольствіе становилось часъ отъ часу затруднительнѣе и ограничивалось уже добычею одной охоты, на которую ежедневно высылалось нѣсколько козаковъ съ строгимъ наказомъ не выходить на Волгу. Ропотъ, сначала глухой, потомъ смѣлый и громкій, слышался часъ отъ часу болѣе въ кругахъ вѣрной дружины и часто вторился такъ ясно подъ

круглыми сводами, что вѣроятно долѣталъ до слуха Атамана; а онъ все не измѣнялъ своей безпечности, все молчалъ.

« Нѣтъ, братцы,» сказалъ однажды Есаулъ Самусь, гложа тощій мосолъ дикой козы, «нѣтъ! видно придется намъ самимъ о себѣ промышлять. Атаманъ, Богъ ему судья, отъ насъ отступился, забылъ о насъ, забылъ, что мы за него отказались отъ родины, готовы были положить свои буйныя головушки . . . »

« Неправда, господинъ Есаулъ, » подхватилъ Грицко Коржъ, старый козакъ, считавшійся первымъ отвагою и балагуромъ въ дружинѣ, « ты клеплешь на Атамана. Видишь, ему хочется сперва выучить насъ не ѣсть по мѣсяцу, а потомъ и поведетъ закаленую голодомъ дру-

жину въ Москву — на калачи, да на брагу. »

Всеобщій хохотъ раздался по подземелью; ибо товарищи Коржа такъ пріучены были къ острымъ шуткамъ его, что начинали хохотать, когда онъ разѣвалъ еще ротъ.

« Нѣтъ, господинъ Есаулъ, » продолжалъ онъ, « имѣй-ста терпѣніе. Ермакъ Тимофеевичь одѣнетъ насъ въ аксамитные и атласные зипуны, когда вѣтеръ сорветъ съ плечь нашихъ послѣдніе лоскуты. »

« Спасибо за щегольство, » вскричало нѣсколько голосовъ со смѣхомъ.

« А какъ проржавѣютъ наши ятаганы и мѣчи, то онъ надѣлаетъ изъ нихъ ухватовъ и иголокъ, да выучитъ насъ шить и стряпать. »

« И впрямъ такъ, » сказалъ Самусь, « Атаманъ хочетъ изъ насъ сдѣлать настоящихъ бабъ. У меня, право,

скоро будутъ пролежни на спинѣ. Подожду еще денька два, три — да и поклонюсь ему низехёнько. Я найду себѣ дорогу не хуже Атамана Пана, даромъ, что онъ Новогородецъ. Вишь догадался, убрался отсюда прежде, чѣмъ мы заквасли. Да меня и Долбило (*) примешь въ Есаулы; я съ нимъ не разъ еще сброжу въ Астраханъ, покуда доберутся до насъ Москали. . . .»

«Возьми и меня, и меня,» раздалось со всѣхъ сторонъ.

«Ну, чтобъ вамъ виднѣе было *дуванъ дуванить*, (**) киньте-ка братцы, дровецъ,» вскричалъ Грицко, «а въ теми того и смотри, что Астраханцы разбѣгутся.»

Опъ хохоту задрожали своды подземелья. Въ огонь бросили цѣлую

(*) Славный Волжскій разбойникъ.

(**) Дѣлить добычу.

охапку сухаго хвороста. Пламя вспыхнуло съ необыкновенною силою и освѣтило во всей красотѣ и великолѣпіи волшебную храмину. Это заставило невольно козаковъ, равнодушныхъ уже къ сего рода зрѣлищамъ, кинуть взоръ на костеръ. И что же представилось ихъ глазамъ? Чудовище въ человѣческомъ образѣ, какъ будто выходящее изъ дыму. Первымъ движеніемъ всѣхъ было взглянуть на Коржа, почитая его способнымъ съиграть такую шутку; но видя, что онъ на своемъ мѣстѣ, подобно имъ выпялилъ глаза, и крестится со всѣмъ усердіемъ, а привидѣніе не исчезаетъ, дѣлается явственнѣе и ощутительнѣе, такъ что послышался отъ него какой-то странный звонъ, храбрецы дрогнули и Богъ знаетъ, на что бы рѣшились, чтобы съ ними сталось, если

бы Султанъ не прибѣжалъ къ нимъ на выручку. Съ ужаснымъ лаемъ онъ вскочилъ съ своего мѣста и бросился на страшилище. Но вотъ новое удивленіе, новый поводъ къ суевѣрному страху. Султанъ, подбѣжавшій къ привидѣнію съ остервененіемъ, внезапно перемѣнилъ свою злобу на самое нѣжное изъявленіе восторга: онъ визжалъ, скакалъ, валялся вокругъ него. Къ счастію, изъ ближней пещеры вышелъ Кольцо съ козакомъ, въ коемъ всѣ узнали Атамана *Пана*, *пропадавшаго* съ перваго дня прибытія сюда дружины. Они подошли къ привидѣнію и увели его въ другую пещеру. Любопытство придало храбрости нѣсколькимъ смѣльчакамъ подойти къ отверстію и они услышали слѣдующій разговоръ между Ермакомъ, Паномъ и чудовищемъ.

« Нѣтъ, Панъ, я ожидалъ отъ тебя болѣе проворства и смышлености, » говорилъ первый.

« Воля твоя, Ермакъ Тимофеевичь, а ужь нельзя болѣе порадѣть. Вотъ тебѣ свидѣтель этотъ уродъ, что Камою самъ чортъ не доберется въ шестеромъ до Орлова городка. И такъ не проходило дня, чтобъ мы не цѣловались съ этими нехристями. Половину товарищей оставилъ въ сырой землѣ; но все бы пошелъ далѣе, еслибъ не поймалъ этого лѣшаго, который изрядно говоритъ по-христіански и сказываетъ, что Строгоновы ушли, Богъ знаетъ, куда, только далеко на полночь. Радёхонекъ, что языка добился. . . . »

« Да что это, впрямъ, за пугало досталъ ты ? . . .

« Это попъ Остяцкій, по ихнему Шаманъ; да такой сильный, такой неугомонный, что мы въ четверомъ насилу его одолѣли и сюда допащили ! »

Въ продолженіи сего времени Шаманъ стоялъ предъ Ашаманами въ какой-то дикой безчувственности, и еслибъ не страшные, сверкающіе глаза его, то можно бы было признать его скорѣе за истуканъ, чѣмъ за живое существо; подобно тому странность одѣянія, при звѣрскомъ безобразіи лица, уподобляли его болѣе жителю преисподней, нежели человѣку. Черные всклокоченные волосы щепинами торчали изъ-подъ его шапки, похожей на шишакъ, на коей гребнемъ развивались совиныя крылья, а украшенія состояли изъ змѣй, ящериць и жабъ, привѣшенныхъ вокругъ. Этими же драго-

цѣнностями, вмѣстѣ съ разнаго рода побрякушками, колокольчиками, бубенчиками, гвоздями, орлиными носами и когтями дикихъ звѣрей, унизано было платье его, состоявшее изъ длиннаго кожанаго мѣшка, такъ что при малѣйшемъ движеніи издаваль онъ какой-то дикой звукъ или гулъ. Въ одной рукѣ Шаманъ держалъ небольшой барабанъ, а въ другой заячью лапу, вмѣсто шимпана.

Не смотря на столь странную фигуру Остяцкаго колдуна, Ермакъ не обратилъ большаго вниманія на его наружность, а тотчасъ приступилъ къ вопросамъ.

«Скажи-ка мнѣ, Шаманъ, сказалъ онъ, ошкуда ты?»

«Я все скажу, многое скажу,» ошвѣчалъ онъ какимъ-то гробовымъ голосомъ, быстро взглянувъ на

Ермака, « но напередъ скажи самъ, гдѣ взялъ эту собаку? » указывая на Сулпана, который покойно стоялъ подлѣ него.

« Странный вопросъ твой заставляетъ меня удовлетворить твое желаніе,» отвѣчалъ Ермакъ. « Собака эта не моя, а принадлежитъ товарищу нашему, который теперь боленъ. »

« Боленъ, » воскликнулъ Шаманъ: « молиться свѣтлому Нуму (*), выгнать нечистаго Шайтана (**) такъ, и будетъ здоровъ. »

Сулпанъ, какъ будто понявъ сіи послѣднія слова, схватилъ его за широкій рукавъ и потянулъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ Гроза въ самомъ отчаянномъ состояніи. Ермакъ

(*) По Самоядски Богъ.

(**) Злой духъ.

не только не воспрепятствовалъ сему любопытному происшествію; но самъ пошелъ за ними слѣдомъ.

Храбрые козаки давали охотно широкую дорогу сей чудной, по ихъ понятію, дьявольской чети, и крестясь, прижимались одинъ къ другому сколь можно тѣснѣе. Вошъ Султанъ приводитъ Шамана прямо къ безчувственному тѣлу своего хозяина, и онъ только что взглянулъ на лице больнаго, какъ опскочилъ и сдѣлалъ такой прыжокъ къ костру, что самые недовѣрчивые могли бы принять его за нечистаго духа. Кинувшись на колѣни передъ огнемъ, Шаманъ всунулъ въ него голову свою и разинувъ страшную пасть, сталъ глотать красное пламя. Потомъ вдругъ поднялся на ноги, выпянулся и съ страшными заклинаніями и воплями принялся скакать

черезъ костеръ. То казалось онъ хотѣлъ броситься въ огонь, но какая-то невидимая сила удерживала его; то теряясь въ дымѣ, пропадалъ или улетѣлъ съ нимъ. По испинѣ коверканья сіи, при странномъ бряцаніи, дикихъ восклицаніяхъ и глухихъ ударахъ тимпана, вмѣстѣ съ неожиданностію и новостію сего явленія, въ состояніи были поселить страхъ и удивленіе къ кудеснику, въ самыхъ неробкихъ, несуевѣрныхъ душахъ. Наконецъ онъ упалъ на землю, какъ окаменѣлый, закрылъ глаза, изо рту у него забилась клубомъ кровавая пѣна, а лице пришло въ такое движеніе, въ какомъ бываетъ при самыхъ ужасныхъ судорогахъ: носъ, ротъ и вообще всѣ мускулы сдвигались съ своихъ мѣстъ и какъ будто толкались между собою. Всѣ молчали, даже Ермакъ

приведенъ былъ въ недоумѣніе и не мѣшалъ, въ ожиданіи, чѣмъ это кончится.

Не болѣе какъ черезъ десять минутъ кудесникъ поднялся на ноги и подойдя къ больному, спалъ душь на него и брызгать *холодною водою*, которую черпалъ изъ близъ стоявшаго сосуда своимъ барабаномъ, потомъ громко провозгласилъ прижды:

« Храбрый другъ мой, оставь ложе немощи — *я повелѣваю тебѣ.* »

Можно представить всеобщее удивленіе, когда послѣ сихъ словъ больной открылъ глаза, и жизнь вспыхнула на впалыхъ его щекахъ.

« Это самъ дьяволъ,» вскричало нѣсколько голосовъ. « Онъ погубитъ наши душеньки, мы пропали. »

«Лучше пришибить его поскорѣе,» сказалъ Самусь, и занесъ уже тяжелый кистень свой; но Кольцо вырвалъ его изъ рукъ убійцы и оттолкнулъ его, а потомъ усмирилъ страхъ и ропотъ дружины разумными рѣчами.

ГЛАВА VII.

Дѣйствія Ермака. — Охота. — Чудный звѣрь. — *Открытіе опасности.* — Гроза сбился съ пути и пропалъ безъ вѣсти.

Черезъ три дня послѣ сего, Ермакъ сидѣлъ у постели Грозы вмѣстѣ съ Кольцомъ и дружески съ нимъ разговаривалъ. Больной разсказывалъ объ ужасахъ своей мнимой смерши. Онъ слышалъ всѣ слова товарищей, почитавшихъ его умершимъ, чувствовалъ, когда положили его въ гробъ, узпавалъ каждаго, приходившаго съ нимъ прощаться, не могъ только произнесть ни од-

ного слова, даже вздохнуть и пошевельнуться, чтобъ дать знать о своемъ существованіи. Можно вообразить страданія его, когда опустили его въ могилу, и руки товарищей, изъ коихъ каждый далъ бы дорого за жизнь его, заживо его покрыли *холодною землею*. Къ большему несчастію отъ спершагося воздуха, при чемъ грудь его готова была треснуть, ему не только возвратилось свободное дыханіе; но и движеніе, тогда, когда онъ не могъ ни дышать, ни двигаться въ тѣсномъ своемъ домовищѣ. Сгущавшійся воздухъ давилъ его болѣе, чѣмъ самая земля; онъ не видѣлъ возможности спастись, чувствовалъ, понималъ, что скоро долженъ задохнуться. Кто и какъ услышитъ его глухіе крики и тяжкіе вздохи? Какое чудо изхититъ его изъ челюстей

насѣкомыхъ и ядовъ, явившихся за-живо пожирать его? Ощущеніе шелеста ихъ, ползаніе по тѣлу — превыше всѣхъ на свѣтѣ мукъ и пытокъ. Нѣкоторое время кое-какъ онъ оборонялся отъ ихъ наглости; но скоро силы его оставили, онъ не въ состояніи былъ шевелить руками и вынужденнымъ нашелся предать себя имъ за-живо. Вдругъ ему слышится какой-то глухой звукъ, легкій шорохъ, — они становятся явственнѣе, отраднѣе; надежда затеплилась въ томящейся душѣ .... Точно роютъ его могилу. Вѣрно хотятъ спасти его. И первая его мысль была молитва.... Но радость его скоро перемѣнилась въ отчаяніе, когда отрадный гулъ умолкъ, когда опять водворилась гробовая тишина въ могилѣ, а въ сердцѣ залегла тоска, неизобразимая

языкомъ человѣческимъ. Послѣ сего онъ очнулся не прежде, какъ когда Шаманъ спрыснулъ его холодною водой и шумомъ пробудилъ чувства его изъ усыпленія.

«Признаться,» сказалъ Ермакъ, «твой пріятель куды не красивъ, а чудной человѣкъ.»

«И козаки перестали бояться его и полюбили,» прибавилъ Кольцо, «послѣ того какъ онъ научилъ насъ доставать *кырлыкъ* (*) и печь изъ него хлѣбы. Правда, сначала они не довѣряли ему; но какъ увидѣли, что онъ кормитъ имъ Володиміра и тотъ сталъ поправляться не по днямъ, а по часамъ, то послушались и теперь не нахваляются .... И впрямъ чудное дѣло этотъ кырлыкъ. Опмочи только чешую, да

(*) Сибирская грѣчуха. Polygonum tataricum Gmel. Sib. 3 p. 64 t. 13.

и толки муку, которая не уступаетъ пшеничной.»

« Какъ тамъ обильна земля, » прибавилъ Ермакъ.

« Въ бытность мою у Строгоновыхъ, » сказалъ Гроза, « не разъ приносили къ намъ другое подобное былiе гораздо еще вкуснѣе кырлыка. Его называютъ бѣлая ***сарана*** (*) и туземцы готовятъ изъ него кисель. Я слыхалъ, что дикари даже не запасаются имъ на зиму, а просто отнимаютъ его у мышей; звѣрки себѣ набиваютъ цѣлыя норы этими питательными луковицами.»

« Видно, не трудно промыслить себѣ въ тѣхъ странахъ хлѣбъ и зипунъ, » замѣтилъ Ермакъ съ улыбкою.

(*) Акъ-шепъ. Lilium pomponium. Gmel. Sib. I. p. 42. L. radice tunicata, foliis sparsis, floribus reflexis, carollis reuolutis.

« Это правда! Посмотрѣлъ бы ты, какія тамъ нажили себѣ богатства Спирогоновы въ короткое время. Все тамъ есть, всего много, одного только нѣтъ — людей. »

« Я давно хотѣлъ спросить тебя, Володиміръ, какъ ты познакомился съ этимъ Шаманомъ? »

« Когда я ходилъ изъ крѣпости Каргедана въ Черемисскую землю смирять бунтъ и приводить опять въ подданство Остяковъ; то гдѣ-то избавилъ его изъ рукъ дервишей, разосланныхъ Кучумомъ по Сибири для приведенія язычниковъ въ Мусульманство. Истребивъ ихъ кумиры, они хотѣли сжечь живымъ и главнаго служителя оныхъ, въ доказательство безсилія ихъ Боговъ и жрецовъ, а вмѣстѣ и для уничтоженія власти, которую имѣетъ сей кудесникъ надъ умами язычни-

ковъ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ весьма полезенъ Строгоновымъ, а мнѣ въ знакъ благодарности подарилъ первую свою драгоцѣнность — свою собаку.»

«Кажется, однако, Султанъ опять тебѣ измѣнилъ,» замѣтилъ Кольцо.

«Пусть его нагуляется съ старымъ своимъ хозяиномъ, лишь бы научился у него искать цѣлебныхъ травъ,» отвѣчалъ Владиміръ съ усмѣшкою.

«Право не худо бы. ***Кашкарою*** (*), которою онъ тебя вылѣчилъ помогъ не одному тебѣ. Она поставила на ноги Петруся Хлопца и Ивася Чабана. Что твоя баня, какъ бывало, напопятъ ея въ котлѣ, да напьются: попъ такъ и льетъ градомъ.

(*) **Rhododendron chrysanthum. Pallas Flora Ross. tal. XXX.**

«Эти люди, близкіе къ природѣ, знаютъ многія ея таинства, и подъ снѣгомъ находятъ излѣченіе отъ самыхъ трудныхъ, опасныхъ недуговъ.»

Вдругъ Ермакъ поднялся съ своего мѣста и, принявъ видъ какой-то особенной важности, сказалъ: «Благодареніе Всевышнему! Ты, Володиміръ, теперь собрался съ силами, а потому можешь выслушать и подать совѣтъ въ такомъ дѣлѣ, которому надобно рѣшить участь всѣхъ насъ. — Я давно помышлялъ, какъ бы примириться съ Богомъ и съ Русью. Твои разсказы о Великой Перми ближе всего легли къ моему сердцу, а послѣ бѣды, случившейся съ нами въ Раздорахъ, я рѣшился предложить себя съ храброю дружиною Строгоновымъ. Полагая, что ты убитъ, защищая Азовскую до-

рогу, я отправилъ Атамана Пана и Есаула Брязгу въ Орловъ-городокъ по разнымъ дорогамъ, провѣдать о тамошнихъ обстоятельствахъ и даже предложить Строгоновымъ свои услуги. Ты видѣлъ, что Панъ возвратился ни съ чѣмъ, то ли же будетъ отъ Брязги, не вѣдаю, а должно подождать его еще недѣльки двѣ.»

«Не говори, Ермакъ Тимофеевичь,» отвѣчалъ Гроза, «что Панъ ходилъ безъ успѣха. Знай, что пріобрѣтеніе Шамана Уркунду стóитъ пяти сотъ нашей братьи, и я, признаюсь, безъ него не могъ бы въ половину быть полезенъ твоему предпріятію .... Знаешь ли, что сами Строгоновы примутъ тебя ласковѣе, когда узнаютъ, что съ тобою Шаманъ Уркунду. Они сулили ему золотыя горы, чтобъ онъ остался

у нихъ; анъ нѣтъ! не могли ничѣмъ удержать. Весь полуночный край въ него вѣруетъ какъ въ идола, коли позовешь его на совѣтъ, такъ жалѣть не будешь.»

«Любезный Володиміръ, охотно вѣрю всему, что ты ни говорилъ о немъ; но кто поручится за его вѣрность?»

«Я, я,» вскричалъ съ жаромъ Гроза,» головою своею ручаюсь, что въ честности и великодушіи сей язычникъ не уступитъ ни одному Христіянину.

«Не горячись, Володиміръ, и не осердись, когда я скажу, что въ твои лѣта простительно увлекаться легковѣріемъ. Ты говорилъ самъ, что этаго рода люди умѣютъ не только искусно притворяться, но и морочить другихъ для собственной пользы. Разсуди еще, каково ему

покажется, что нѣсколько сотенъ Христіанъ пойдетъ въ его отчизну — распространятъ власть Царя Бѣлаго. »

« О ! повѣрь, Ермакъ Тимофеевичь, что *если не изъ любви къ Христіанамъ*, то по ненависти къ Мусульманамъ онъ будетъ намъ другомъ. По крайней мѣрѣ, Московцы не трогаютъ его капищей, не касаются ихъ святыни; напротивъ того, чтители Алкорана силою хотятъ обратить всѣхъ въ Магометанство. — *Впрочемъ* поговори самъ хорошенько съ Уркунду объ ихъ исповѣданіи : онъ наскажетъ тебѣ столько любопытнаго и дивнаго, что легко согласиться, что при всей темнотѣ и нестройности шаманскаго язычества, а особливо *толкованія* о Богахъ, нельзя не признать въ немъ общихъ понятій

естественной вѣры и нѣкоторыхъ обрядовъ изъ Моисеевыхъ законовъ, какъ то: жертвенныхъ огней, жертвоприношéній, молитвъ и даже многихъ мнѣній. Не прими за суевѣріе, Атаманъ, а увѣряю тебя честію, что я былъ неоднократно свидѣтелемъ чудныхъ прорицательствъ сего Шамана.»

Вбѣжавшій Султанъ возвѣстилъ возвращеніе Уркунду. Ермакъ велѣлъ позвать его.

«Хочешь ли на родину?» спросилъ онъ у него.

«Нѣтъ, я еще нуженъ ему,» указавъ на Грозу, отвѣчалъ Уркунду.

«Возьми и его съ собою.»

«Ты лжешь?»

«Нѣтъ не лгу. Уркунду, я слышалъ, ты человѣкъ честный, стало быть душею не покривишь.»

«Спрашивай.»

« Володиміръ ручается, что ты намъ не измѣнишь. »

« Я вѣдь не Мусульманинъ ! »

« И такъ скажи : можешь ли, хочешь ли насъ проводить до Строгоновыхъ ? »

Примѣтно было, что сей вопросъ привелъ въ смущеніе Шамана ; но онъ скоро ободрился и какъ будто съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ отвѣчалъ : « Одинъ Нумъ научитъ насъ. »

Гроза, воспользовавшись симъ случаемъ, удвоилъ свои просьбы и настоянія, чтобъ убѣдить Ермака дозволить Шаману вопросить своихъ Боговъ. А чтобъ не подать соблазну къ суевѣрію, совѣтовалъ сдѣлать это въ лѣсу безъ лишнихъ свидѣтелей. Наконецъ Ермакъ болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ довѣрія согласился. Оставалось пой-

мать звѣря, пріятнаго богамъ для принесенія имъ въ жертву. Гроза взялся оштрафить и это затрудненіе, и на другой день рано, выбравъ человѣкъ двадцать искусныхъ охотниковъ, пустился съ ними на промыселъ вверхъ по Камѣ.

Послѣ полудня, преслѣдуя каменнаго барана, они увлечены были далеко въ горы. Имъ удалось уже пригнать его къ утесу, гдѣ навѣрное полагали захватить его живымъ, какъ къ крайнему всѣхъ удивленію, звѣрь соскочилъ внизъ и удержался съ необыкновеннымъ искуствомъ на небольшой скалѣ, едва высунувшейся изъ гладкаго утеса и трепещущей, такъ сказать, надъ бездонною пропастью. Казалось, тутъ былъ конецъ его дерзости. Охотники остановились, и думали, на что онъ рѣшится и что же?

Баранъ, измѣривъ быстрымъ взглядомъ бездну, кинулся въ нее головою внизъ, такъ, что упалъ на крѣпкіе рога свои и ударъ, подобный пистолетному выстрѣлу, нѣсколько разъ повторился въ ущельяхъ горъ.» Чудесное твореніе, промолвилъ Владиміръ, увидя, что звѣрь съ прежнею быстротою пробирался между утесами. Но видно сама судьба назначила животное сіе въ жертву богамъ; ибо едва выбрался онъ изъ пропасти въ густоту лѣса и почиталъ себя внѣ всякой опасности, какъ схваченъ былъ Султаномъ, сторожившимъ его съ величайшею осторожностію. » Видно шутъ гуляетъ Шаманъ мой, подумалъ Гроза, и какъ онъ потерялъ своихъ спутниковъ, то пошелъ обходомъ къ тому мѣсту, гдѣ Султанъ поймалъ звѣря.

Проходя чащею лѣса, онъ услышалъ не вдалекѣ отъ себя громкій говоръ. Гроза полагая, что это его товарищи, хотѣлъ оголоситься, какъ увидѣлъ предъ собою лице, совершенно ему незнакомое. Пріученный къ осторожности сосѣдствомъ съ Азовомъ и своимъ положеніемъ, онъ немедленно спрятался за колоду и сталъ вслушиваться въ ихъ рѣчи.

« Потерпи немножко, » говорилъ знакомый голосъ, по коему Гроза легко узналъ Мещеряка.« Повѣрь мнѣ, что я скоро отыщу пещеру; отсюда должна быть она недалеко,— ну слышь! выдамъ вамъ бѣглецовъ руками — безъ дальнихъ хлопотъ: только нужно напасть на нихъ въ расплохъ, лучше всего ночью. . . . »

« Нѣтъ-ли у пещеры двухъ выходовъ, » замѣтилъ другой голосъ, также нѣсколько знакомый. . . .

« Нѣтъ, кажется, одинъ, » отвѣчалъ Мещерякъ.

« Тѣмъ легче будетъ съ ними управиться,» продолжалъ другой. «Правда, у насъ людей вдвое противу нихъ и я нарочно выбралъ изъ Стрѣлецкихъ полковъ такихъ молодцовъ, что всѣ годились бы въ опричники. »

« Мы схватимъ перваго встрѣчнаго козака,» перервалъ Мещерякъ, « да и пошлемъ въ преисподнюю съ предложеніемъ дружинѣ выдать опальныхъ бунтовщиковъ; небось, здѣсь не какъ въ Раздорахъ, или не на чистомъ полѣ, не постоятъ за нихъ, не захотятъ умереть голодною смертію, или заживо замуровать-

ся какъ затворники обители Святаго Николы.» (*)

«Коли пойдешъ дѣло на переговоры, пожалуй я именемъ Царя прощу всѣхъ, кромѣ Ермака. На одномъ помирюсь....»

«Надѣюсь, Г. Грязной, что вы съ Воеводою меня не обманете, сдержите свое обѣщаніе и послѣ похода тотчасъ же объявите меня старшимъ Атаманомъ Донскаго войска. Ужъ я не дамъ бунтовать и своевольничать отвагамъ, возьму весь Донъ въ ежовыя рукавицы: будетъ у меня всякое лыко въ строку, всякая вина виновата, инъ любо станетъ самому Батюшкѣ Царю. —

(*) Козаки имѣли два собственные монастыря: Никольскій близь Воронежа, Черпѣевъ въ Шацкѣ, въ коихъ часто престарѣлые козаки кончали жизнь свою.

Онъ любитъ, свѣтъ, потѣшиться— ась ? »

« Сдержимъ, сдержимъ, Г. Мещерякъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдержимъ и то, что если сегодня, или завтра упромъ не отыщешь пещеры съ бѣглецами; то хоть жаль старого свашушку, а дѣлать нечего — долженъ буду вздѣть его, голубчика, на осинушку. Извини, я человѣкъ подчиненный, вынужденъ исполнять приказаніе начальства и требованіе всей рати. »

Гроза не замѣтилъ, какое впечатлѣніе сдѣлало сіе пріятельское замѣчаніе опричника на предателя; только съ ужасомъ услышалъ въ слѣдъ за тѣмъ слова Мещеряка: « Коли отдохнули молодцы, то пора въ походъ ! »

« Гдѣ отдохнуть часомъ, » раздалось нѣсколько *голосовъ. Ужели опять*

шаскаться по лѣсамъ и ползать по горамъ — безъ толку. И такъ оборвались, ни на что непохоже. А все завтраками кормишь...»

«Сегодня, братцы, точно сегодня будетъ конецъ и дѣлу вѣнецъ,» сказалъ Мещерякъ весело.

«Идемъ, коли дѣло дѣлать,» крикнули Стрѣльцы въ одинъ голосъ, и поднялись съ привалу.

«Не забудь, любезный сватушка,» кричалъ со смѣхомъ Грязной въ слѣдъ Мещеряку, «что до закаша сегодняшняго солнышка въ руки тебѣ Атаманская булава, или на осинѣ будетъ висѣть твоя голова.»

Гроза долго прислушивался къ шагамъ Стрѣльцовъ и для того долго не смѣлъ не только встать, но и пошевелиться. Когда же все замолкло и онъ приподнялъ голову; то крайне удивился, найдя, что начи-

нало смеркаться. Не смотря однако на темь, не смотря, что не весьма твердо замѣтилъ направленіе своего подземелья, что окруженъ былъ глубокими оврагами и крутыми скалами — онъ пустился въ дорогу, боясь опоздать минутою для возвѣщенія опасности.

Мысль сія придавала ему сверхъестественныя силы для преодолѣнія опасностей и трудностей пути. Онъ летѣлъ. — Полуночныя птицы перестали уже виться надъ нимъ и усѣлись по темнымъ угламъ своимъ, а Гроза все шелъ. Уже перепелъ возвѣстилъ пришествіе зари, а Гроза продолжалъ путь свой, наконецъ и трели соловья, провозвѣстника о появленіи свѣтила свѣтилъ, умолкли, а Гроза не переставалъ итти. Должно бы давно добраться до пещеры, по крайней

мѣрѣ, она должна быть уже близко; но Боже мой, какимъ ударомъ пораженъ былъ неутомимый, изнуренный Владиміръ, когда при свѣтѣ перваго луча солнечнаго, увидѣлъ совершенно незнакомыя ему мѣста, увидѣлъ даже новую природу. Стало быть онъ зашелъ въ противную сторону отъ своей цѣли — и далеко; мысль, что въ это время величайшая напасть постигла его товарищей и онъ не умѣлъ ее отвратить, хотя имѣлъ на то возможность, подавила и послѣднія силы его: онъ упалъ безъ памяти отъ изнеможенія, бывши не въ состояніи болѣе выпаскивать ногъ изъ сыпучаго песку.

ГЛАВА VIII.

Неожиданный приходъ Мещеряка въ подземелье. — *Оно оставляется* козаками. — Картина живописной Башкиріи. — Пожаръ. — Аулъ. — Дервишъ. — Вѣсти о Великѣ. — Предложеніе Дервиша.

Отсутствіе Грозы, несовершенно еще оправившагося отъ жестокой болѣзни, весьма безпокоило Ермака, тѣмъ болѣе, что спутники его возвратились всѣ, кромѣ Шамана; даже и Султанъ обратно прибѣжалъ въ пещеру тотъ же самый вечеръ. На другой день Ермакъ разослалъ нѣсколько человѣкъ въ разныя стороны искать его, и самъ нѣсколько разъ выходилъ на встрѣчу.

Ночью, когда мысли его были заняты отсутствіемъ общаго любимца, вбѣгаетъ сторожевой козакъ и объявляетъ, что Атаманъ Мещерякъ желаетъ, какъ можно скорѣе, переговорить съ нимъ наединѣ. Ермакъ, хотя удивился такому неожиданному посѣщенію, но велѣлъ тотчасъ впустить его къ себѣ.

Не станемъ описывать ихъ свиданія, на коемъ Мещерякъ увѣрилъ, что вынужденный пытками сознаться въ знаніи его убѣжища, онъ былъ избранъ въ вожатые, но вмѣсто того, чтобы вести Московичей къ пещерѣ, завелъ ихъ въ горы и лѣса, отколь имъ не выбиться въ недѣлю на настоящій путь, а самъ при первой возможности скрылся и прибѣжалъ сюда и проч. Скажемъ только, что слѣдствіемъ

онаго было немедленное оставленіе подземелья всею дружиною. Встрѣча Мещеряка съ Кольцомъ могла бы имѣть худыя послѣдствія, еслибъ первый былъ сколько нибудь менѣе дерзокъ и наглъ, а второй скроменъ и благоразуменъ.

Однако Ермакъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи: онъ недоумѣвалъ, куда и зачѣмъ итти? Остановиться вблизи боялся, что Московичи откроютъ слѣды его; удаляясь, могъ разлучиться навсегда съ Брязгою, безъ котораго не хотѣлъ ничего рѣшительно предпринимать, равно могъ разойтись съ Грозою и Шаманомъ. По долгомъ совѣщаніи съ Кольцомъ, положили наконецъ, выбравъ самыхъ исправныхъ, смѣлливыхъ козаковъ и снабдивши ихъ на нѣсколько дней съѣстными припасами, разставить

ихъ въ такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобъ они могли скоро найти другъ друга, съ остальными идти въ Башкирію.

Кто не бывалъ въ странѣ, называемой Башкиріею, тотъ не имѣетъ понятія о красотѣ и изобиліи южной части древней Біарміи. Что за странное созданіе человѣкъ, подумаешь невольно, увидя сію благословенную страну въ обладаніи Башкирцевъ. Справедливо сказалъ какой-то древній Филосовъ, что человѣкъ есть соединеніе противорѣчій, самовластія и упрямства: желаетъ — небывалаго, стремится — къ. невозможному, любитъ — недостойное, наслаждается—не своимъ! Да, прибавишь нехотя: тѣснится, жметъ одинъ другаго, давитъ, страдаетъ, чтобъ занять уголокъ на топкомъ болотѣ, на сыпучихъ

пескахъ, на голой скалѣ, или безплодной степи, не щадя ни трудовъ, ни денегъ, ни времени, тогда какъ богатѣйшая, прекраснѣйшая страна въ свѣтѣ манитъ его въ свои объятія. Въ зыбучихъ тундрахъ утверждаетъ желѣзные обелиски, на безлѣсныхъ берегахъ сооружаетъ пловучія крѣпости, то и другое съ большими пожертвованіями и затрудненіями, а страна, гдѣ то и другое, равно какъ и всѣ прихоти утонченнаго вкуса и изобрѣтательной роскоши, могъ бы удовлетворить несравненно легче и удобнѣе, остается безъ вниманія, оставлена Башкирцамъ—варварамъ, неумѣющимъ пользоваться благами щедрой природы, бѣднымъ, среди всѣхъ богатствъ въ мірѣ.

Больно видѣть сей Эдемъ пустымъ, въ рукахъ дикихъ тунеядцевъ, ко-

торые въ четыре вѣка обладанія онымъ, капли пота не пролили для раскрытія нѣдръ своихъ горъ, заключающихъ всѣ возможныя сокровища: алмазы, яхонты, аметисты, бериллы, серебро, золото, мѣдь, желѣзо, порфиръ и яшму, каменную соль и уголья; которые истребили вѣковые лѣса, для нѣсколькихъ сухихъ полѣнъ подъ котлы свои; которые, чтобъ не взять косы или плуга въ руки, переходятъ съ многочисленными стадами изъ мѣста въ мѣсто и находятъ повсюду тучныя пажити; которые, наконецъ, считаютъ величайшимъ трудомъ кинуть мережи въ озера и рѣки, полныя рѣдчайшей рыбы, или натянуть тетиву своего лука, чтобъ убить лань или дрохву себѣ въ пищу?

Всё это прекрасно, скажутъ мнѣ въ отвѣтъ, да можно ли жить

безъ людей и въ самомъ Эдемѣ, можно ли быть счастливымъ съ одною природою, сколь бы она ни была прелестна и богата? — Согласенъ! Но позвольте спросить васъ, милостивые государи, что привлекаетъ людей въ отдаленную Америку? Не выгоды ли житейскія! Что заставляетъ ихъ переплывать бурные океаны, оставлять родину? Какъ недовольство жизненныхъ потребностей! Стало быть, нужна только *добрая воля* и—пустынная Башкирія *содѣлается* въ нѣсколько лѣтъ населеннѣйшею областію Царства Русскаго, и изо всѣхъ краевъ свѣта кинутся къ подошвѣ Каменнаго Пояса самые просвѣщенные люди, переселятся искуства и науки. Наконецъ не забудьте о сосѣдствѣ Каспійскаго моря, чрезъ которое только можно переманить

въ Россію богатства невѣжественной Азіи и дать естественное, истинное направленіе Русской торговлѣ. Преобразователь Россіи, обративъ ее опять Востока къ Западу, дабы переселить просвѣщеніе Европы, всегда имѣлъ въ виду Азію, и даже послѣднимъ предпріятіемъ и усиліемъ его Генія было открыть путь въ Индію, приготовить грядущимъ сполѣтіямъ вѣрный сбытъ избытковъ возникавшей при немъ промышлености....

Боже мой! куда увлекло тебя воображеніе, скажутъ мои читатели.— Не прикажете ли выпустить, уничтожить сіе разглагольствіе, вылившееся невольно изъ-подъ пера Историка Петра Великаго (*)?

(*) Авторъ занимается уже 7 лѣтъ сочиненіемъ исторіи Петра Великаго.

«Такъ и быть, оставь, говорятъ нѣкоторые великодушные, угадывая, можетъ быть, что оно послужитъ предисловіемъ къ настоящему дѣлу.»

Башкирцы, послѣ покоренія Казани Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, хотя признали надъ собою власть Московскую, но худо ей повиновались, неохотно платили положенный на нихъ ясакъ и при всякомъ понужденіи къ оному, готовы были бунтовать. Укоренявшееся между ними день отто дня Магометанство дѣлало ихъ по вѣрѣ врагами Христіанъ; не смотря на то, нигдѣ нельзя было найти лучшаго убѣжища Ермаковой дружинѣ, какъ между сими потомками воинственныхъ Болгаръ, судя по ихъ наслѣдственному гостепріимству и изобилію.

Первые четыре дня Ермакъ велъ свою дружину весьма поспѣшно, дабы, какъ можно болѣе, удалиться отъ Москвитянъ, потомъ пошелъ самыми малыми переходами. Въ десятый день они взошли на одну изъ высочайшихъ горъ Башкиріи, называемую Ярындыкомъ, и хотѣли расположиться ночевать на вершинѣ оной, какъ у подошвы увидѣли обширное озеро, въ которомъ, словно въ зеркалѣ, глядѣлись всѣ окрестности. Съ одной стороны безчисленныя стада овецъ и табуны лошадей паслись на роскошныхъ лугахъ и съ высоты казались пчелами, порхающими надъ моремъ радужныхъ цвѣтовъ; съ другой, изъ чащи прелестной рощи, какъ будто насажденной рукою человѣка, на равной покатости, выходилъ легкій дымъ. Это былъ вѣрный

признакъ жилищъ кочующаго народа. Сколь ни хотѣлось козакамъ скорѣе попасть въ жилье человѣческое, но было бы безразсудно и даже дерзко, при увеличивавшейся темнотѣ вечера, пуститься съ крутой, высокой горы, изрытой бездонными пропастьми. Казалось, Провидѣніе сжалилось надъ странниками, подавъ имъ неожиданно способъ выполнить ихъ желаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доставивъ случай увидѣть великолѣпнѣйшее зрѣлище. Вдругъ загорѣлось озеро разноцвѣтными огнями, пламя, легкими метеорами, слетало съ береговъ, дабы свободнѣе виться и играть надъ поверхностію тихихъ водъ. Самые глубокіе рвы и ущелья, самыя непроницаемыя дубравы и лѣса, покрывавшіе исполинскую гору, озарились яркимъ свѣтомъ и при-

вели въ испугъ стаи непопырей и хищныхъ звѣрей, находившихъ тутъ безмятежное убѣжище.

Всякой другой былъ бы пораженъ симъ феноменомъ, но козаки, отгадавъ, что это ничто иное, какъ обыкновенный способъ кочующихъ народовъ утучнять свои луга, поспѣшали воспользоваться мимолетнымъ заревомъ, дабы поскорѣе спуститься съ горы. При свѣтѣ огня они легко отличили цѣлый аулъ, разбросанный между деревьями, въ самомъ живописномъ видѣ; но они крайне удивились, не нашедши живой души, ни въ одной изъ десяти кибитокъ, составлявшихъ оный. Ермакъ думалъ, что жители со страху разбѣжались при видѣ многочисленной его дружины, и Кольцо, знавшій совершенно по-Татарски, сбирался уже итти

въ лѣсъ отыскивать ихъ и уговаривать возвратиться, какъ услышали странный гулъ изъ кибитки, стоявшей нѣсколько въ отдаленіи. Всѣ кинулись къ ней: у кибитки подняты были нижнія полы, а потому можно было видѣть все, что ни происходило внутри ея. Она наполнена была людьми, большими и малыми, мужчинами и женщинами, которые съ такимъ подобострастіемъ глядѣли на что-то кружившееся по срединѣ съ необычайною скоростію, что не замѣтили ихъ прихода. Когда круги сего вертящагося существа становились тише, слабѣе, то сперва обозначилось человѣческое лице, потомъ появилась человѣческая фигура и наконецъ изъ всего этого ясно можно было отличить старика съ сѣдою бородою, одѣтаго

въ широкій кафтанъ, крѣпко подпоясанный, такъ, что полы онаго, при быстромъ круженіи образовали горизонтальную плоскость, изъ коей торчало зеленое пятно, составлявшее вершину острой чалмы его. Наконецъ сей удивительный старикъ упалъ на землю и нѣсколько Башкирцевъ, по видимому изъ старѣйшинъ, кинулись къ нему съ благоговѣніемъ. Долго не произносилъ онъ ни одного слова, наконецъ воскликнулъ: «Алла! ишъ Аллахъ! «Единъ пророкъ Магометъ на не-«бѣ, единъ Царь Кучумъ на землѣ. «Невѣрующіе, да погибнутъ яко «прахъ. Глядите, уже табуны ихъ «во власти невѣрныхъ, юрты ихъ «разграблены, разсѣяны, жены и «дѣти увлечены въ неволю. Гляди-«те — вонъ спускаются враги съ

« горъ, яко весенній потокъ, все ни-
« спровергающій . . . . »

Весьма естественно, что слова сіи показались пророчествомъ, когда образумившіеся Башкирцы увидѣли себя окруженными множествомъ людей, воинственной наружности. Сначала, казалось, оставались они въ недоумѣніи, во снѣ или на яву сіе видятъ? Но скоро вой и стенанія женщинъ, плачъ дѣтей, подобострастіе мужчинъ, которые всѣ повергліись на землю, какъ будто испрашивая помилованія, доказывали, что они дѣйствительно приняли козаковъ за непріятелей, и не прежде вышли изъ сего положенія, какъ когда Ермакъ, подозвавъ къ себѣ нѣсколькихъ Аксакаловъ (сѣдовласыхъ старцевъ), увѣрилъ, что они пришли друзьями, а

не врагами и никакого имъ зла не причинятъ.

Между тѣмъ и пророкъ очнулся. «Что это за съумасшедшій?» спросилъ Ермакъ у Кольца.

— «Это одинъ изъ ревностныхъ поборниковъ Исламизма, называемыхъ дервишами,» отвѣчалъ онъ.. «Эти сумазброды, слышалъ я отъ Грозы, болѣе самой храбрости Кучума, содѣйствовали къ распространенію его власти въ Сибири.»

Башкирцы, видя, что ни домà ихъ не горятъ, ни женъ ихъ не тащатъ въ неволю, ободрились, стали одинъ по одному расходиться по жилищамъ своимъ и въ скорости въ кибиткѣ не осталось никого, кромѣ хозяина Сулпана Уса-Ушина, который былъ старшиною аула. Ермакъ приказалъ ему похло-

попать объ угощеніи его дружины наилучшимъ образомъ.

Вскорѣ передъ каждою кибиткою запрещали дубовые костры и завершѣлись на деревянныхъ вертелахъ жирные бараны. Гостепріимные номады выпащили изъ жилищъ своихъ все, что только имѣли для утоленія жажды и голода гостей своихъ; приносили полные мѣхи кумысу (1) и арьяну (2), и козаки, хотя морщились отъ непріятнаго запаху сего степнаго напитка, но распознавъ его опьянѣлость, опорожнивали турсуки (3), не хуже самыхъ хозяевъ.

---

(1) Кумысъ, кобылье заквашенное молоко, имѣющее острый вкусъ и многія цѣлебныя свойства.

(2) Коровье кислое молоко, разведенное водою.

(3) Мѣшокъ — изъ выкопченой конской кожи.

Во все сіе время Ермакъ не спускалъ глазъ съ дервиша, который наблюдалъ глубокое молчаніе и бормоталъ молитвы, перебирая четки.

« Скажи, вѣрный служитель Алкорана, » спросилъ Атаманъ, сѣвъ подлѣ него къ огню, « скажи, по какому откровенію или праву отклоняешь ты сей народъ отъ подданства Царю Бѣлому ? »

« По праву правовѣрнаго, которое честнѣе твоего права, » отвѣчалъ угрюмо дервишъ.

Отвѣтъ сей задѣлъ за живое Ермака и Кольца, они взглянулись, и тогда, какъ второй готовъ былъ вспыхнуть отъ гнѣва, первый съ хладнокровіемъ возразилъ :

« Ты ошибаешься : эти добрые люди не обижены Царемъ Московскимъ, ихъ клятвѣ вѣряшъ, имъ не грозитъ постыдная смерть, они

не вынуждены защищать жизнь и честь . . . »

« Знаю, Атаманъ, всѣ обиды, всѣ оскорбленія и несправедливости, тебѣ сдѣланныя; но за это молятъ правовѣрные о тебѣ великаго Алла. »

« Почему ты меня знаешь ?» спросилъ съ удивленіемъ Ермакъ.

« Въ Азовѣ всѣ тебя знаютъ, всѣ о тебѣ говорятъ. »

« Что же говорятъ ? » спросилъ Ермакъ, съ возрастающимъ любопытствомъ.

« Благодарятъ тебя, а болѣе твоего товарища, который измѣнилъ вамъ, безъ чего врядъ ли Московцамъ одолѣть васъ. »

Атаманы опять взглянулись и Кольцо невольно бросилъ взоръ на Мещеряка, который, желая отклонить отъ себя намекъ, » спросилъ

съ величайшею дерзостію объ имени измѣнника.

« Забылъ , » отвѣчалъ дервишъ, « кажись онъ изъ Татаръ. »

Но въ это время перебилъ Ермакъ рѣчь его съ умысломъ или отъ нетерпѣнія, вопросомъ : не былъ ли ты въ Раздорахъ ?

« Поздно хватился, » замѣтилъ съ злою усмѣшкой Мусульманинъ, скоро запустѣетъ и мѣсто, гдѣ было ненавистное гнѣздо ваше. Козаки, которые остались въ живыхъ и не разбѣжались, преданы въ неволю. Азовскій рынокъ два базара биткомъ набитъ былъ невольницами и ребятишками : всѣхъ расхватали, такъ, что старый Атаманъ не застalъ уже своей дочьки, которую пріѣзжалъ-было выкупать. . . . »

Изъ сихъ послѣднихъ словъ дервиша Атаманы ясно увидѣли, что

дѣло шло о Луковкѣ и Великѣ, невѣстѣ бѣднаго Грозы.

« Куда дѣвалась эта дѣвушка? » спросилъ Кольцо.

« Не упомню, » отвѣчалъ дервишъ, « купили ли ее для гарема Крымскаго Хана или Сибирскаго Царя. О! она будетъ блаженствовать какъ гурія въ Фирдевсѣ и право, стоитъ того по красотѣ своей. Въ гаремѣ святаго пророка Магомеда не было краше ея между шестью стами одалисокъ . . . »

« Подумай-ко хорошенько, любезный, авось вспомнишь, кому она навѣрное продана, » спросилъ съ примѣтнымъ участіемъ Ермакъ.

« Кажется, Кучуму, » отвѣчалъ недовѣрчиво Мусульманинъ. « У Бухарца Нуръ-гали, который торговалъ ее для Сибирскаго Царя, больше денегъ, чѣмъ у Армянина Лазаря.

Онъ заплатилъ два мѣшка, да десять кусковъ ханзы и пять сусыо и тотчасъ же отправилъ ее въ крытой арбѣ въ Астрахань. »

« Вотъ тебѣ вдвое, вотъ тебѣ втрое, дамъ болѣе, » сказалъ съ чувствомъ Ермакъ, « купи себѣ коня, двухъ, трехъ, скачи день и ночь, догони несчастную и выкупи . . . »

« Вижу, Атаманъ, что ты очень сострадателенъ къ пригожимъ гуріямъ, » замѣтилъ лукаво дервишъ, « я съ радостію выполнилъ бы твою волю, только теперь ужь поздно : Бухары давно за Мангишлакомъ. »

« Ахъ ! какъ бы мнѣ хотѣлось оказать эту услугу нашему храброму товарищу. И какъ же иначе можно доказать дружбу, какъ не пособіемъ въ напастяхъ сердечныхъ, « продолжалъ Атаманъ со вздохомъ, « я готовъ

отдать дервишу все, что ни имѣю, лишь бы обрадовать Грозу . . . »

« Нѣтъ, Атаманъ, » сказалъ дервишъ, возвыся голосъ, «ты не такъ богатъ, чтобы могъ дать болѣе Царя Сибирскаго. Серебру и золоту у него счету нѣтъ, а есть одинъ только способъ получить плѣнницу изъ самаго гарема его и всё, что вы ни пожелаете ? »

« Говори, » вскричали въ одинъ голосъ оба Атамана.

« *Звѣзда ваша заблеститъ ярче* дневнаго свѣтила, мракъ жизни вашей низпадетъ какъ черное покрывало полуночи, когда восходитъ на небѣ свѣтлая луна . . . »

« Говори скорѣе, » вскричалъ Кольцо въ нетерпѣніи.

« Что вы теперь, куда приклоните головы свои ? Царь Москов-

скій, а съ нимъ и Богъ Русскій отвергли васъ. . . .»

«Довольно, мы безъ тебя знаемъ, что дѣлать,» сказалъ сердито Ермакъ.

«На родинѣ ожидаетъ васъ позорная смерть,» продолжалъ дервишъ, не внимая словамъ Ермака, «родные и ближніе отреклись отъ васъ; своими руками выдадутъ васъ Пашѣ Русскому, приведутъ васъ на торговую казнь. . . . . Падете ли отъ меча, или съ мечемъ въ рукахъ — адъ приметъ души ваши. . . . Признайте Великаго Пророка и намѣстника его Царя Кучума — и міръ возсіяетъ для васъ свѣтомъ радости, Царь Сибирскій прольетъ на васъ всѣ свои щедроты, за дверьми гроба ожидаютъ васъ объятія вѣчно юныхъ гурій — на лонѣ роскоши и безмятежнаго блаженства. . . .»

« Дервишъ, » сказалъ Ермакъ съ важностію, « прощаю тебѣ слова твои и помышленія: ты исполняешь обѣтъ свой и долгъ; но ты не знаешь козаковъ, не знаешь, что ничто на свѣтѣ не въ состояніи поколебать козака въ его вѣрѣ: онъ не измѣнитъ Христу Спасителю ни въ счастіи, ни въ несчастіи, не отречется отъ него ни ради всѣхъ благъ міра, ни ради мукъ ада! Козакъ вѣруетъ не прелестямъ чувственнымъ, а блаженству душевному . . . »

Хотѣлъ ли Ермакъ окончить скорѣе разговоръ о столь важномъ предметѣ съ незнакомымъ ему человѣкомъ, или по другимъ какимъ причинамъ, только велѣлъ дервишу удалиться. Надобно замѣтить, что дервишъ сей принадлежалъ къ сектѣ Мевлева, знатнѣйшей на Востокѣ,

настоятель которой, или шеикъ, происходившій по прямой линіи отъ Джеладина, одинъ только имѣетъ право опоясывать Турецкаго Султана Османовою саблею, въ день вступленія его на престолъ Оттоманскій. Тридцать два монашескіе ордена, старавшіеся превзойти другъ друга странностію обрядовъ и неистовствами, возвѣщали Магометанство въ Азіи, обѣщая изнѣженнымъ обитателямъ Востока невоображаемыя блаженства и наслажденія въ зеленѣющихъ садахъ Фирдевса, на лонѣ вѣчноюныхъ гурій, и начальное основаніе сихъ обществъ, возникшихъ въ Турціи на подобіе Китайскихъ бонзъ, Индѣйскихъ календеровъ и Персидскихъ дебуесовъ, приписываютъ Джелладину. Съ тѣхъ поръ эти странствующіе поборники Исламизма, обшедшіе Азію,

проникли наконецъ за желѣзный хребетъ Урала и въ самое коротkое время, священныя капища Рача должны были уступить мѣсто мечетямъ Магомета, и только на однихъ неприступныхъ снѣгахъ Сибири открыто курились еще жертвенники идолопоклонства.

ГЛАВА IX.

Козни Мещеряка. — Встрѣча Ермака съ Грозою. — Страданія Грозы въ плѣну у Башкирцевъ. — Шаманъ спаситель. — Брязга возвращается изъ великой Перми. — Дары Строгоновыхъ. — Злые умыслы Мещеряка. —

Уже болѣе мѣсяца гостилъ Ермакъ съ своею дружиною у добрыхъ, страннопріимныхъ Башкирцевъ; ихъ беззаботность и довольство представляли плѣнительную картину Патріархальной жизни Праотцевъ рода человѣческаго. Эта беззаботность сообщилась, казалось, всѣмъ козакамъ; они, казалось, были довольны своимъ положеніемъ, только Ермакъ при всей скрытности обна-

жалъ иногда скуку отъ бездѣйствія и незнанія будущности. Наконецъ онъ рѣшился отправить Атамана Кольца къ подземелью — узнать о судьбѣ оставленныхъ тамъ на стражѣ козаковъ и навѣдаться, не посѣщали ли его Московцы?

Ермакъ, оставшись одинъ съ Мещерякомъ, сначала удалялся его сообщества, ибо сердце его не лежало къ этому товарищу, но вкрадчивость, хитрость и наглость сего послѣдняго скоро такъ сблизили ихъ, что Ермакъ сталъ часъ отъ часу болѣе находить удовольствія въ его бесѣдѣ, сталъ болѣе вѣрить его невинности, непріязни къ нему Атамана Кольца и преданности его къ правому дѣлу: такъ называлъ Мещерякъ сопротивленіе Ермака волѣ Іоанна. Пользуясь отсутствіемъ Кольца, онъ началъ смѣлѣе приводить

въ дѣйствіе свои коварные замыслы, перевелъ къ себѣ въ кибитку своего наперстника Самуся, дабы съ помощію его успѣшнѣе разставить сѣти довѣрчивости Ермака.

Однажды въ полночь, слыша, что Самусь спитъ подобно ему сномъ *злодѣя*, т. е. ворочается съ боку на бокъ, онъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ: «Наконецъ мнѣ пришло въ голову, какъ поймать на удочку Атамана, только ты не подгадь.»

— «Научи,» отвѣчалъ Самусь, «а то самъ *вѣдаешь, умѣю ли справлять по твоимъ наказамъ.*»

«Слушай же: уже на всходѣ солнца, возьми съ собою Чабана, да и поди на озеро къ горѣ удишь рыбу. Атаманъ повадился гулять въ ту сторону. Какъ увидите, что я стану его подводить къ вамъ поближе, то вы и разболтайтесь

погромче про бывшее побоище въ Раздорахъ. Я ужъ наполковалъ Чабану, что́ ему говорить, а ты только показывай недовѣрчивость къ его рѣчамъ.

« Хорошо, старое я все помню; но признаюсь, что не съумѣю, какъ вывернуть поискуснѣе твой побѣгъ отъ Стрѣльцовъ, если дойдетъ до того рѣчь. »

« Это всего легче! Ермакъ совершенно удостовѣренъ, что я нарочно завелъ Москалей въ лѣса и горы для того, чтобъ лучше отъ нихъ вырваться и его остеречь. Отцу родному не повѣритъ, ха, ха, ха! что я велъ ихъ на него и отъ того только не напкнулъ, что самъ сбился съ дороги. Сказать правду, братъ, радехонекъ былъ, что упащилъ ноги, а то чуть проклятой Опричникъ не вздернулъ

меня на осину, даромъ что я помогалъ ему въ Раздорахъ морочить Луковку и дурачить весь Донъ, а Мурашкину указалъ всѣ завалы и припоны козацкіе . . . »

До самаго утра продолжали они разговаривать и едва показалось красное солнышко, принялись выполнять свои замыслы. Мещерякъ взялъ фузею и пошелъ на охоту. Найдя Ермака въ задумчивости, на берегу озера, онъ весьма искусно разбилъ его думы и завелъ къ любимому его разговору.

« Право, Ермакъ Тимофеевичь, еслибъ ты послушалъ разсказы Іоанновыхъ воиновъ, » сказалъ Мещерякъ, « то вѣрно бы рѣшился испребовать своимъ мечемъ прощеніе не только себѣ, но и Донскому войску . . . »

« Кажется, послѣ того уроку, какой дали намъ Москали въ Раздорахъ,» отвѣчалъ Ермакъ съ усмѣшкою, «подобное предпріятіе было бы безумно.»

« Воля твоя, а я съ тобою несогласенъ. Тебя одолѣли не силою, а измѣною. У насъ не было единодушія. Еслибъ на Азовской дорогѣ Гроза сторожилъ Татаръ, а не Велику, а храбрый Кольцо не обольстился ласковыми словами Воеводы и подкрѣпилъ тебя во время на запонѣ, то дѣло бы обернулось иначе : сами Московцы сознаются. »

« Ты и Московцы твои, » замѣтилъ сердито Ермакъ, « весьма ошибочно толкуешь нашу невзгоду. — Гроза не прозѣвалъ, а прогналъ Татаръ, не смотря на то, что они были вдесятеро его многочисленнѣе, а Кольцо опоздалъ не отъ того, что польстился на предложеніе

Воеводы, старавшагося соблазнить его, а потому, что долженъ былъ пробиться сквозь сильный отрядъ Москалей, которыхъ Смага пропустилъ ему въ тылъ. »

« Да! что ты ни говори, Ермакъ Тимофеевичь, а дѣло было не такъ! Грозу одолѣли Татары, когда онъ кинулся на выручку къ Великѣ, которую они схватили съ его провожатыми на переправѣ, а Кольцо, не въ укоръ будь ему сказано, подался-было на обѣщаніе Мурашкина, да *побоялся Есаула Самуся.* »

« Это вздоръ, совершенная клевета! и про тебя мало ли что толкуютъ? »

« Желалъ бы право знать, что про меня говорятъ? » спросилъ Мещерякъ съ притворною безпечностію.

« Да вотъ что: будто ты нарочно передался Москалямъ, что ты имъ указалъ всѣ наши засады, что ты хотѣлъ убить Грозу и мало ли еще что?»

Еслибъ Ермакъ могъ видѣть сердце Мещеряка; то легко прочелъ бы въ немъ радость, при открытіи столь искуснымъ образомъ, всѣхъ противу него обвиненій; ибо хитрецъ зналъ, что явный врагъ не столь страшенъ, какъ тайный, и что коварствомъ и лестію успѣваютъ оправдываться самые злодѣи, въ глазахъ недовѣрчивыхъ судей и обращать подозрѣніе на своихъ противниковъ.

« И вѣрно все это говоритъ честный твой Кольцо,» замѣтилъ Мещерякъ съ злобнымъ смѣхомъ. — « Ага! боится, чтобъ на него не пало подозрѣнія.... А врядъ-ли и

Гроза не по его милости пострадалъ ? »

« Что ты хочешь сказать ? »

« Ты вижу крѣпко предупрежденъ противу меня, Ермакъ Тимофеевичь, а потому напрасный трудъ разувѣрять тебя. Но признайся, слышалъ ли отъ меня хоть одно слово про Кольцо и Грозу. И теперь не сказалъ бы, да къ слову пришлось... Замѣтилъ ли ты, что Кольцо всегда отъ меня удалялся, да и Гроза, если бы не разчелъ удобнѣе пробраться въ Астрахань, или другой Московскій городъ, чѣмъ скитаться съ тобою по подземельямъ и лѣсамъ,» проворчалъ онъ, какъ будто сквозь зубы, « постарался бы отъ меня отдѣлаться. Вишь, въ Московскомъ станѣ болтали, пожалуй вѣрь слухамъ, что наши де Атаманъ, вспрѣтясь на сраженіи, повздорили между

собою, корили другъ друга измѣнниками, трусами. »

« Ложь, совершенная ложь и по тому одному, что Кольцо никогда не выходитъ изъ себя. »

« Конечно и рыба ищетъ себѣ глубже, то человѣку не грѣхъ пошаритъ, гдѣ лучше, » сказалъ со смѣхомъ Мещерякъ. « А вѣрнѣе всего спросилъ бы ты Чабана: онъ много слышалъ правды въ Московскомъ стану. »

« Не хочу и спрашивать; за чѣмъ мнѣ обижать храбрыхъ Атамановъ. »

« Воля твоя, а Чабанъ откры лъ бы тебѣ глаза.... »

« Я ему не повѣрю, хоть бы онъ разбожился. Его клятва не стоитъ одного слова Кольца и Грозы. »

« Кольцо, чай не совѣтовалъ тебѣ, какъ я, итти на Москву? »

« Безъ сомнѣнія. »

« Я это зналъ. . . . Онъ получитъ прощеніе Іоанна и не съ мечемъ въ рукахъ . . . ха, ха, ха! А намъ, Ермакъ Тимофеевичь, божусь, остается одинъ этотъ способъ выпутаться изъ бѣды. Право, пожалѣешь, что меня не послушалъ, право, тебѣ стоитъ показаться съ твоею дружиною на Волгѣ. . . . »

« Ты ошибаешься. . . . »

« Нѣтъ, Ермакъ Тимофеевичь, не ошибаюсь. Я довольно слышалъ отъ самихъ Воеводъ Московскихъ, что Іоаннъ только тебя одного боится, и невѣсть какъ обрадовался, когда узналъ, что Князь Курбскій убѣжалъ къ Ляхамъ, а не на Донъ. Слава твоя гремитъ повсюду. А всякому терпѣнію бываетъ конецъ. »

Въ столь жаркомъ разговорѣ Мещерякъ не примѣтно привелъ Ермака къ такому мѣсту, от-

куда полагалъ слова его соумышленниковъ могли быть явственно услышаны, а для вѣрнѣйшаго успѣха оставилъ его подъ предлогомъ, что не хочетъ потерять лучшаго времени для охоты при восходѣ солнечномъ. Ермакъ былъ также радъ остаться одинъ, чтобъ поразмыслить объ ихъ разговорѣ и найдя мѣсто весьма уединеннымъ, сѣлъ подъ тѣнь столѣтняго ясеня.

Дѣйствуя всегда открыто и прямо, не любя ни подсматривать за чужими поступками, ни подслушивать чужихъ рѣчей, онъ долго пропускалъ мимо ушей доходившія до него слова двухъ козаковъ, безпечно удившихъ рыбу въ озерѣ; но имена Кольца и Грозы, часто повторяемыя въ ихъ разговорѣ, обратили невольно его вниманіе. Можетъ быть, Ермакъ надѣялся узнать что нибудь

новаго о своемъ другѣ, котораго отсутствіе крайне его безпокоило и огорчало.

« Воля твоя, братенекъ, » говорилъ коварный Самусь, «а меня вѣра неймешъ, чтобъ храбрый Атаманъ Кольцо могъ до того забыться. . . »

« То право чудо, но я своими глазами видѣлъ, какъ онъ хватилъ ножемъ Грозу. Послѣ покаялся, да ужъ поздно. Слышно они помирились и свалили всю вину на Мещеряка. *Вишь думали, что онъ не вернется изъ плѣна. Какъ то они теперь поладятъ ?* »

Экое диво! Кольцо, и самъ Гроза, коли не покажется ему у Москалей, и онъ вернется къ намъ, будутъ беречься Мещеряка и его не тронутъ, а онъ не посмѣетъ на нихъ донесть. »

« Думаешь и обманутъ такъ Атамана нашего. Нѣтъ, братъ, Ермакъ Тимофеевичь себѣ на умѣ, насквозь видитъ человѣка, даромъ что смотритъ въ землю. »

Ермакъ, услышавъ шаги проходившаго по-близости человѣка, вскочилъ съ своего мѣста и пошелъ въ противную сторону. Ему стыдно было не только свидѣтеля, но и самаго себя. Однако, по удивительной странности, онъ встрѣтился съ тѣмъ, съ кѣмъ бы всего менѣе хотѣлъ, именно съ Мещерякомъ, возвращавшимся, по словамъ его, въ аулъ, чтобъ перемѣнить огниву, а правду сказать, желавшимъ нетерпѣливо видѣть дѣйствіе своего умысла.

Можетъ быть, онъ успѣлъ бы открыть впечатлѣніе, которое сдѣлалъ на душу Ермака коварный его

умыселъ, еслибъ послышавшіеся вдали жалобные стоны не разрушили всѣхъ его плановъ. Ермакъ, всегда готовый на помощь ближнему и на защиту безсилія, вернулся и скорыми шагами пошелъ туда, откуда раздавались сіи плачевные звуки. Тщетно Мещерякъ старался остановить его, или уговорить обождать, пока онъ кликнетъ нѣсколько человѣкъ на подмогу. Ермакъ не хотѣлъ дожидаться, и Мещерякъ видѣлъ себя вынужденнымъ за нимъ слѣдовать, не смотря на непонятное къ тому отвращеніе. Къ счастію, Ермакъ, оглянувшись назадъ, увидѣлъ множество козаковъ своихъ, выбѣжавшихъ изъ кибитокъ и какое-то необыкновенное движеніе въ аулѣ. Онъ хотѣлъ воротиться, но раздумавъ, послалъ туда Ме-

щеряка — узнать причину онаго, а самъ продалжалъ путь свой.

Ермакъ уже безъ успѣха сбирался въ аулъ, куда призывало его также любопытство, какъ повторенный стонъ подстрекнулъ его углубиться далѣе въ лѣсъ. Мудрено изобразить восхищеніе Атамана нашего, когда, цройдя нѣсколько шаговъ, онъ нашелъ подъ навислымъ сокеромъ Грозу въ крѣпкомъ снѣ. Боясь прервать его сладкое отдохновеніе, которое повидимому ему было необходимо, онъ сѣлъ подлѣ него. Впалыя щеки, желтое, блѣдное лице показывали крайнее его изнеможеніе. Онъ разсуждалъ, какимъ чудомъ могъ Гроза здѣсь очутиться и одинъ? какъ замѣтилъ вдали странную фигуру къ нему приближавшуюся. Къ счастію, онъ скоро узналъ въ этой чучелѣ Шамана Ур-

кунду, который также, узнавъ Ермака, палъ на землю и поднявъ голову вверхъ, страшно исковеркалъ свою рожу — въ доказательство своего удивленія и радости. Чувство сіе было не въ меньшей степени и у Грозы, когда онъ, открывъ глаза, увидѣлъ предъ собою Ермака. Онъ не вѣрилъ своему счастію, былъ въ восхищеніи, но вдругъ принялъ пасмурный видъ, когда Атаманъ открыль ему причину, побудившую его оставить подземелье. Гроза хотѣлъ-было разсказать ему разговоръ Мещеряка съ Русскимъ Воеводою, имъ подслушанный; но побоясь, что Мещерякъ успѣлъ и ономy дать столь же хитрый оборотъ въ свою пользу, какъ самому предательству, оставилъ до того времени, пока не найдетъ удобнѣйшаго случая обнажить злодѣя, и началъ удовлетво-

рять любопытство Ермака на счетъ своихъ приключеній.

Читатель безъ сомнѣнія вспомнитъ, что Гроза упалъ безъ чувствъ на песчаной степи послѣ изнурительнаго странствованія въ продолженіе цѣлой ночи по горамъ и лѣсамъ. « Когда я очнулся отъ чрезвычайной пряски, » продолжалъ онъ, « то нашелъ себя въ странномъ положеніи: я привязанъ былъ къ лошади, которая съ быстротою птицы мчалась за какимъ-то всадникомъ. Кричать я не могъ, да и онъ меня не услышалъ бы; оставалось терпѣливо переносить всѣ возможныя муки, голодъ и жажду, мучившія меня до крайности. При закатѣ солнышка мучитель мой остановился близъ большой рѣки, снялъ меня съ лошади и не развязывая рукъ, кинулъ на землю. Потомъ

всунулъ мнѣ въ ротъ сухую лепешку, но о водѣ я напрасно его умолялъ дать хоть капельку, онъ не внималъ моимъ просьбамъ. Къ счастію не вдалекѣ я замѣтилъ поганое мѣсто. Прикатившись къ оному, съ жадностію я сосалъ мокрую траву и грязь и скоро впалъ опять въ безпамятство. Это было, конечно, моимъ счастіемъ, ибо я не чувствовалъ тѣхъ безчеловѣчій, кои употреблялъ мой мучитель для приведенія меня въ чувство, полагая, что я притворяюсь. Я ужаснулся, когда раскрывъ глаза, взглянулъ на себя. Я былъ весь избитъ, изувѣченъ и кинутъ въ самый грязный уголъ кибитки, вмѣстѣ съ собаками. Каждый день я умиралъ съ голоду; но это невольное воздержаніе съ сосѣдствомъ съ добрыми живописными, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало

къ моему исцѣленію. Въ недѣлю я такъ поправился, что могъ уже ходить. Тогда хозяинъ мой, призвавъ меня къ себѣ, сказалъ: «Яуръ! мнѣ давно требовалось пастуха для моихъ стадъ, я нарочно выѣзжалъ за десять дней, чтобъ достать тебя. Ты мнѣ стоишь большихъ трудовъ и опасностей, за то, если будешь прилеженъ, я стану хорошо кормить тебя и одѣвать; но за первое нерадѣніе сдеру кожу съ ногъ твоихъ, за второе обрѣжу уши и носъ, а за третіе вытяну у тебя жилы. — Пуще всего, Яуръ, не вздумай бѣжать! Знай, что всѣ покушенія твои будутъ напрасны, а наказаніе ужасно.»

«Ты согласишься, Ермакъ Тимофеевичь, что Гроза не устрашился такихъ угрозъ и не далѣе, какъ черезъ четыре дня рѣшился доказать оное

на самомъ дѣлѣ. Хотя со мной мало разговаривали домашніе, но изъ нѣкоторыхъ словъ и намѣковъ узналъ я, что хозяинъ мой Акъ-Кусюкъ былъ старшина Башкирскаго аула, кочующаго на межѣ съ Киргизъ-Кайсацкою степью, въ десяти дняхъ добраго пути отъ Волги. Должно думать, что изъ недовѣрчивости ко мнѣ онъ поручилъ пасти табуны съ лошадями наемному Тапарину и нарочно распустилъ слухъ, что уѣзжаетъ изъ аула на нѣсколько дней, *дабы испытать меня.* Ночью, какъ всѣ улеглись въ аулѣ, я выбрался тихонько изъ моей кибитки и пустился по звѣздамъ на западъ. Всю ночь я бѣжалъ, не останавливаясь и присѣлъ только на восходѣ солнца, когда полагалъ, что прежде полудня доберусь до горъ и лѣсовъ, кои уже синѣлись въ глазахъ моихъ.

Съ прежнею неутомимостію я шелъ и все утро, но лѣса и горы не приближались — такъ отдаленность обманчива въ степи. Но вотъ и онѣ уже были близки, ночью я могъ отдохнуть въ безопасности, какъ слышу сзади себя шумъ на подобіе бурана; удвоиваю шаги свои, а гулъ становится ближе и ближе. Наконецъ явственно могу распознать конскій топотъ. Что дѣлать, какъ спастись? Придумалъ прилечь въ высокій бурьянъ, авось буря пронесется мимо; но не тутъ-то было: два ужасные наѣздника наскакали прямо на меня, и когда я готовился дорого продать свою свободу, кинувшись на перваго съ небольшимъ ножемъ, который я только могъ достать въ кибиткѣ, вдругъ почувствовалъ прекращеніе своего дыханія. Другой Башкирецъ проворно

накинулъ мнѣ на шею мертвую петлю, съ длинной своей пики, и потащилъ меня за собою полумертвымъ. Когда я очнулся, то лежалъ связаннымъ въ прежнемъ аулѣ своемъ. Скоро вошли въ кибитку два Башкирца звѣрскаго вида; съ ними приблизился ко мнѣ хозяинъ мой и, не сказавъ ни слова, не произнеся ни одного упрека, поднялъ меня за ноги въ верхъ, а другіе два товарища его принялись бить меня по подошвамъ жидкими ремнями. Кровь лила рѣкою, а они не переставали, и до того сѣкли, пока не осталось ни одного лоскутка кожи не только на пяткахъ, но и на пальцахъ, и у меня потемнѣло въ глазахъ отъ нестерпимой боли. Мучители неудовольствовались симъ ужаснымъ истязаніемъ, нѣтъ! они вперли въ подошвы мелкіе конскіе волоса,

такъ что, когда ноги мои и поджили, я не могъ долго приступать на нихъ, а ползалъ на колѣняхъ, и навѣкъ бы остался калекою и невольникомъ, если бъ этотъ благодѣтельный человѣкъ, указывая на Шамана, не явился Ангеломъ хранителемъ для освобожденія и изцѣленія меня.

« Долго разсказывать тебѣ Ермакъ Тимофеевичь, про мои страданія, каюсь, прости Господи грѣхамъ моимъ, я собирался самъ наложить на себя руки, какъ однажды, когда я пригналъ стадо свое со степи, увидѣлъ толпу Башкирцевъ, бѣжавшихъ къ высокому кургану, который считался заколдованнымъ. Не знаю, почему и я, равнодушный до того ко всему, меня окружавшему, поплелся кое-какъ за другими слѣдомъ, и каково-же было мое удив-

леніе, когда я узналъ въ Шаманѣ нашего пріятеля Уркунду. Онъ совершалъ жертвоприношеніе, какъ мнѣ сказала старушка, для открытія вора, уведшаго уже съ мѣсяцъ у сосѣда нашего Култубая любимую его лошадь. Сіе заставило меня внимательнѣе смотрѣть на всѣ его дѣйствія, и я увидѣлъ, какъ Уркунду руками, дымящимися кровью, вырвалъ изъ трепещущей жертвы сердце чрезъ прорѣзанное противъ него отверстіе и смотря на его біеніе, принималъ странныя тѣлодвиженія, и пѣлъ отвратительнымъ голосомъ призыванія дьявола Хасевоналянду. Потомъ, отрѣзавъ кусокъ отъ сердца и обмакнувъ его въ горячую еще кровь овцы, принесенной въ жертву, проглотилъ его, а остальное кинулъ въ пылающій передъ нимъ костеръ. Послѣ сего, къ общему всѣхъ

удивленію и ужасу, онъ проворно вскочилъ въ средину чернаго дыму, отъ того произшедшаго, и грознымъ голосомъ вскричалъ: «Шайтанъ! ты «свое дѣло сдѣлалъ, я знаю вора и зав- «тра Кулшубай найдетъ своего коня «на старомъ мѣстѣ.» И дѣйстви- шельно, когда на другой день Кул- шубай вышелъ изъ своей кибитки; то нашелъ лошадь свою, привязан- ною у входа.

«Этотъ успѣхъ обратилъ къ нему общую довѣренность Башкир- цевъ, сопряженную съ немалымъ страхомъ. Всѣ просили Шамана по- ворожить: одинъ воротится ли сынъ его съ баранты (разбоя)? Дру- гой, что родитъ ему жена сына или дочь? Третій — долго ли ему жить и проч.; но Уркунду объя- вилъ всѣмъ рѣшительно, что Шай- танъ отказывается служить ему,

доколѣ поганый христіанинъ останется въ аулѣ и не кинутъ будетъ въ черпову яму, гдѣ будутъ стеречь его три дня три Шайтана.

Я этаго ничего не зналъ и преспокойно пасъ свое стадо въ степи, какъ подъѣзжаетъ ко мнѣ мой хозяинъ съ тремя Башкирцами и приказавъ сѣсть скорѣе за себя на лошадь — скачетъ во всю прыть. Опъѣхавъ верстъ 25, мы остановились и они сунули меня въ узкую глубокую яму, которую завалили огромнымъ камнемъ. Видно Башкирцы думали, что Шайтаны станутъ и кормить христіанина, что не оставили со мною ни чего для поддержанія моего существованія. Я положилъ, что меня хотятъ уморить съ голоду и боялся болѣе мученій, чѣмъ смерти. Хотя я привыкъ уже довольствоваться весь-

ма малымъ, но на другія сутки голодъ, въ особенности жажда, начала меня мучить и я нѣсколько разъ пытался отвалить камень, чтобъ освѣжиться хотя одною каплею росы, но не могъ даже пошевелить его. Вдругъ слышу, что камень мой начинаетъ колебаться. Я не зналъ радоваться или печалиться, какъ знакомый дикій голосъ Шамана, велѣлъ мнѣ поскорѣе вылѣзать. Не смотря на слабость свою, я не заставилъ себя долго дожидаться и лишь только вылѣзъ на чистый воздухъ, Уркунду далъ мнѣ напиться изъ полнаго турсука кумысу, что вдругъ подкрѣпило мои силы. Не вдалекѣ мы нашли четырехъ взнузданныхъ лошадей. « Садись скорѣе верьхомъ, « сказалъ Шаманъ, и держи крѣпче заводную лошадь. »

Съ симъ словомъ онъ пустился какъ стрѣла.

« Цѣлую ночь скакали мы безъ отдыха, на утро, освѣжась кумысомъ и пересѣвъ на новыхъ лошадей, поскакали далѣе. Съ величайшимъ усиліемъ усталые кони довезли насъ къ вечеру до рѣки, поросшей высокимъ тростникомъ. Уркунду приказалъ мнѣ тотчасъ лечь, чтобъ подкрѣпиться сномъ. Разумѣется, что я не сталъ себя просить, не знаю, долго ли я спалъ, только было темно, когда онъ разбудилъ меня и повелъ въ тростникъ. Когда добрались мы до берегу, то я увидѣлъ плотъ, весьма искусно сдѣланный изъ камыша. Мы тотчасъ на него сѣли и пустились по теченію рѣки. Насъ несло съ ужасною быстротою и это подало мнѣ случай удивляться величайшей легкости, съ

какою управлялъ нашею утлою посудиною мой проводникъ, а болѣе того сверхъестественнымъ его силамъ. — Повѣришь ли, что не смотря, что двѣ ночи не смыкалъ онъ глазъ съ глазомъ и безпрестанно былъ въ трудахъ — казался бодрымъ и неутомимымъ. Въ цѣлый день онъ не отвѣтилъ ни на одинъ вопросъ мой—и перемѣнилъ суровость свою впервые, когда мы передъ закатомъ солнца пристали къ густому лѣсу. Но и здѣсь спаситель мой не предался отдыху: съ разсвѣтомъ дня онъ отправился за цѣлебными травами и сталъ меня пользовать. Можешь представить, сколь медленно было наше путешествіе, ибо не смотря на чувствительное облегченіе отъ его лекарствъ и желаніе удалиться отъ опасности, мы въ недѣлю, думаю,

не перешли болѣе 50 вэрстъ, и не знаю, къ зимѣ дотащились ли бы до подземелья. Сего дня ноги мои совершено отказались служить мнѣ и я упросилъ Шамана отдохнуть здѣсь хотя нѣсколько дней, какъ Господь услышалъ мои стенанія и положилъ конецъ моимъ мученіямъ. »

Тутъ друзья снова обнялись и повторили взаимную радость. Ермакъ признался, что не зналъ, къ чему приписать его отсутствіе и начиналъ уже терять надежду видѣть его въ живыхъ! Въ избыткѣ благодарности къ Шаману, онъ просилъ его сказать ему, чѣмъ онъ можетъ показать ему свою признательность за спасеніе друга?

Шаманъ, принявъ по прежнему суровый видъ, отвѣчалъ: « жизнь

за жизнь,» и Апаманы насилу могли уговорить его удовлетворить ихъ любопытспиву о чудесномъ открытіи имъ похищенія Грозы и его спасеніи.

Почитая то и другое дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, Уркунду лаконически и довольно грубо пересказалъ сіе событіе слѣдующими словами.

«Не нашедши на берегу Камы потребныхъ травъ для составленія крѣпительныхъ соковъ для Грозы и душистыхъ кореньевъ для куреній при совершеніи жертвоприношеній, онъ удалился на большое разстояніе на полдень. Шатаясь по лѣсу, къ удивленію своему онъ напалъ на свѣжіе слѣды человѣка.

Это увлекло его еще далѣе въ степь и въ скорости онъ нашелъ Грозу, лежавшаго безъ чуствъ на пескѣ. Не въ состояніи бывши привесть его въ память, Шаманъ пошелъ принесть свѣжей воды изъ ручья, который находился довольно въ далекомъ разстояніи отъ того мѣста, близъ лѣсу. Возвращаясь съ оною, ему показалось, что онъ слышалъ конскій топотъ въ той сторонѣ, гдѣ оставилъ больнаго, но подумалъ, что ошибся, ибо никого не видалъ, когда могъ различить предметы глазами. Можно представить себѣ послѣ сего отчаяніе его, когда онъ не нашелъ Грозы, а замѣтилъ конскія копыты, вокругъ того мѣста, гдѣ лежалъ онъ. Шаманъ догадался, что его похитилъ какой нибудь блуждающій Башкирецъ и, поклявшись найти

его и освободить, пошелъ по слѣдамъ его. Тонкость зрѣнія и смѣтливость скоро довели его до аула, гдѣ дѣйствительно находился Гроза. Къ счастію, жители онаго не совершенно отпали отъ язычества и болѣе по названію, чѣмъ по усердію были Магометане. Шаману не стоило большаго труда вывѣдать все, что ни хотѣлъ онъ, отъ Байгуша, (*) коего кибитка, какъ говорится, небомъ покрытая, полемъ огороженная, стояла въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прочихъ, а умилостивленіе Шаймана о возвращеніи ему пропавшей овцы, которую Уркунду замѣтилъ по блеянію въ Чертовой ямѣ, когда проходилъ мимо ея, было пово-

(*) Байгушъ у Башкирцевъ — бездомный, бѣднякъ, что у насъ бобыль.

домъ, что и Кушлубай прибѣгнулъ къ нему же для отысканія своей пропажи. Остается сказать, какъ искусно досталъ онъ лошадей и какія взялъ мѣры для безопасности.

Первою ворожбою его, по изгнаніи христіанина изъ аула, было объ успѣхѣ предполагаемаго набѣга на одного Киргизскаго Султана, отогнавшаго ихъ табунъ прошлою зимою. Призванный имъ Шайтанъ объявилъ, чрезъ уста своего служителя, что для совершеннаго успѣха—повелѣваетъ ему четыре ночи ѣздить на четырехъ лошадяхъ вокругъ аула, дабы вогнать силу и мужество не только во всадниковъ, но и въ коней, что въ это время всѣ жители отъ мала до велика не должны показывать носу изъ кибитокъ своихъ до самаго восходу солнца, ина-

че пропадутъ и съ нимъ. Разумѣется, что онъ не щадилъ ни кривляній, ни дикихъ криковъ, ни смрадной чернопы дыма — для возбужденія слѣпой покорности волѣ Шайшана. Сему не мало содѣйствовали еще ужасные разсказы Шамана о видѣніяхъ, представлявшихся ему въ первую ночь, которую онъ исправно провелъ на конѣ и явленія, чудившіяся многимъ суевернымъ старухамъ. Другую ночь, какъ мы видѣли, онъ употребилъ для освобожденія Грозы.

Въ аулѣ ожидала Ермака другая неменьшая радость: онъ нашелъ шамъ Брязгу и Кольца, которые шли уже къ нему на встрѣчу.

Самыя благопріятнѣйшія вѣсти были наградою за столь долгое шер-

пѣніе и бездѣйствіе. Умные Строгоновы приняли съ радостію предложеніе Ермака, чествили его посла и прислали въ подарокъ ему соболью шубу, другимъ Атаманамъ, т. е. Кольцу, Грозѣ и Пану по лисьей, а всей дружинѣ по песцу на шапку и по гривнѣ денегъ. Всѣ радовались, обольщались надеждою, одинъ Мещерякъ считалъ себя обиженнымъ и съ пособіемъ лукаваго Самуся, своего достойнаго наперсника, изъ подтишка старался дать иной, превратный видъ успѣху и послѣдствіямъ сего предпріятія. Однихъ пугалъ неизвѣстностію отдаленнаго пути, другихъ мстительностію Іоанна, который нарочно велѣлъ Строгоновымъ заманить ихъ къ себѣ, для того, чтобъ погубить и т. п. — Шайка легковѣрныхъ увеличивалась болѣе и болѣе, такъ,

что къ вечеру Мещерякъ надѣялся уже имѣть рѣшительный перевѣсъ въ кругу, назначенномъ на слѣдующее утро съ восходомъ солнца.

ГЛАВА X.

Буря. — Совѣщаніе злодѣевъ. — Зажигательство. — Неудача. — Кругъ. — Рѣчь Ермака къ Дружинѣ. — Воззваніе Строгоновыхъ къ козакамъ. — Нерѣшимость Дружины. — Притворство Мещеряка. — Козаки убѣждены Ермакомъ итти на Кучума. — Счастливое предзнаменованіе. — Предсказаніе Шамана.

Въ продолженіе цѣлой ночи свирѣпствовала ужасная буря; но перекаты грома менѣе безпокоили Ермака, чѣмъ отдаленныя думы. Что касается до успѣха будущаго круга; то онъ увѣренъ былъ, что если не сила его велерѣчія, то сила истины убѣдитъ всѣхъ послѣдовать за нимъ на великое предпріятіе.

Совершенно противныя чувства волновали душу и не дали покою Мещеряку. Онъ изобрѣталъ способы, какъ бы тайно раздѣлить дружину, надѣясь сдѣлаться главою противной стороны. Подобно борьбѣ стихій небесныхъ необузданныя страсти честолюбія и мщенія бушевали въ его сердцѣ. Ему сдѣлалось душно въ кибиткѣ Башкирской и онъ вышелъ на воздухъ. Оглушительные раскаты грома, огненныя молніи и порывистый вой вѣтра отвѣтствовали внутренней его бурѣ. Съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ глядѣлъ онъ на пылающее небо. Неожиданное появленіе Грозы разрушило многія его надежды и замыслы. Къ тому же онъ вспрѣтился съ нимъ такъ непріязненно, взглянулъ на него такъ подозрительно, какъ будто отгадывалъ его

намѣренія. Надобно было освободить-ся отъ столь опаснаго врага и соперника.

Полный сими мыслями — онъ возвратился въ кибитку и, разбудя бережно Самуся, повелъ его на конецъ рощи, дабы шумъ деревъ не мѣшалъ имъ разговаривать тихо.

«Самусь,» сказалъ Мещерякъ, «замѣтилъ ли ты, какъ встрѣтилъ меня этотъ Башкирскій ясырь? Надо отъ него отдѣлаться!»

«Надо, очень надо!» отвѣчалъ Самусь. «Тебѣ, видно, не гребтѣлось, спалъ какъ кротъ, а я кое-что подслушалъ.»

«Говори скорѣе.»

«Гроза хочетъ обвинить тебя предъ цѣлымъ кругомъ.»

«Для чего же ты прежде мнѣ этаго не сказалъ?»

«А за чѣмъ? чѣмъ бы ты помогъ?»

«Какъ чѣмъ? я бы тотчасъ закрылъ ему ротъ на вѣки.»

«И это надо умѣючи. За нимъ глядитъ колдунъ словно домовой.»

«Что жъ — и его съ нимъ вмѣстѣ.»

«Ты совокъ, да не ловокъ. Не диво зарѣзать и пятерыхъ сонныхъ, а нужно свести концы съ концами. Я придумалъ лучше тебя.»

«Не мучь, скажи!...»

«Ты войди потихоньку въ кибитку, да и угомони ихъ, а я мигомъ запалю ее. Только стукни, смотри, кистенемъ . . . . Если и не сгорятъ, то подумаютъ, что убило волею Божіею; по эдакой грозѣ не диво.

«Славно! ай да Самусь, молодецъ! Теперь скажи поскорѣе, что они, проклятые, обо мнѣ говорили?»

«Гроза, видишь, передъ всею дружиною хочетъ тебя изобличить въ

измѣнѣ, въ убійствѣ, когда ты пырнулъ его ножемъ въ одеждѣ Московскаго Стрѣльца, какъ наводилъ опричника на Луковкинъ домъ.»

«Ха, ха, ха! на это любезный,» прервалъ Мещерякъ, «у меня готовы и отговорки и доказательства. Но все таки лучше ему зажать ротъ.»

«Злодѣи!» раздался голосъ при шрескѣ ужаснаго грома, и Мещерякъ съ единомышленникомъ своимъ вздрогнули, какъ будто кто ни есть произнесъ ихъ собственный приговоръ.

«Что ты слышалъ,» спросилъ Мещерякъ?

«Будто чей-то голосъ, но видно намъ помстилось — никого не видать.»

И закоренѣлые злодѣи пустились выполнять свой адскій умыселъ.

Уже кибитка обхватилась огнемъ, а Мещерякъ не выходилъ изъ нея вонъ: это удивило и обезпокоило его товарища; онъ кинулся къ нему на помощь и что же увидѣлъ при первомъ шагѣ въ кибитку: храбрый Мещерякъ лежалъ на землѣ, а Султанъ стоялъ надъ нимъ съ разинутою пастью. Вѣрная собака готовилась вступить въ отчаянный бой съ двумя убійцами, но внезапу кинула и первую свою жертву, какъ будто предавая ее въ руки своего хозяина, который въ ту минуту показался у входа. Мещерякъ, опомнясь отъ страха, выбѣжалъ изъ кибитки, куда пробился уже огонь, и закричалъ:

«Убери своего пса, пока оба вы цѣлы; прокляпый! чуть не съѣлъ.»

«И худо сдѣлалъ, что не съѣлъ,» отвѣчалъ Шаманъ.

« Шутки не у мѣста, господинъ лѣшій, а лучше бы спасалъ своего товарища, чай онъ дрыхнетъ, зарывшись въ новую-то шубу. »

« Боги спасли его отъ убійцъ: онъ давно ушелъ къ Ашаману. »

Между тѣмъ Самусь показывалъ видъ, что трудился надъ потушеніемъ пожара. Мещерякъ скоро къ нему присоединился, а потому прибѣжавшіе козаки не только не могли подумать, чтобъ они были зажигателями, но даже хвалили ихъ усердіе. Пожаръ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій и только одинъ Султанъ сдѣлался жертвою злобы и мести злодѣевъ, которые надъ нимъ отмстили свою неудачу. Въ минуты общаго смятенія Самусь изъискалъ случай, не бывъ никѣмъ примѣченнымъ, поразить двумя смертными ударами бѣдное животное,

а потомъ съ помощію Мещеряка столь же скрытно бросилъ его на пожарище. Уркунду, найдя на другой день обгорѣлое туловище Султана, оплакалъ его, какъ наилучшаго своего друга и поклялся отмстить его убійцамъ.

Послѣ полуночи погода совершенно перемѣнилась: настало прекраснѣйшее утро и при самомъ восхожденіи солнца курганъ, назначенный для собранія круга, покрылся козаками. Скоро показался и Ермакъ: говоръ, уподоблявшійся жужжанію пчелъ, умолкъ и всѣ стали къ нему толпиться ближе. Никогда лице Ермака не было свѣтлѣе и веселѣе. Онъ поклонился на всѣ четыре стороны и заговорилъ:

« Намъ, храбрые товарищи, предстоитъ два пути, изберемъ выгоднѣйшій, достойнѣйшій насъ!

Первый — соединиться съ могучимъ Царемъ Сибирскимъ Кучумомъ и съ его помощію, выгнавъ Москалей изъ Великой Перміи, завладѣть ихъ богатствами и помѣстьями. Другой — принять предложеніе именитыхъ людей Строгоновыхъ, построившихъ на берегахъ Чусовой и Сылвы укрѣпленія и остроги: — вести войну съ измѣнникомъ Кучумомъ для освобожденія первобытныхъ жителей Югорскихъ, свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугами государственными, перемѣнить имя смѣлыхъ на имя добрыхъ воиновъ отечества, примириться съ Богомъ и Русіею. — Я съ своей стороны избираю послѣднее, сказалъ онъ, прослезившись. Выслушайте грамоту Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Строгоновыхъ и рѣшите.»

Тутъ онъ развернулъ небольшой столбецъ и прочелъ:

«Храбрые Донскіе воины! во имя «Пресвятыя, живоначальныя Троицы, «обще нами исповѣдуемой, зовемъ «васъ въ благословенную страну на«шу, оборонять Великую Пермь и «Восточный край Христіанства. Мы «имѣемъ крѣпости и земли, но ма«ло дружины, имѣемъ жалованную «Царскую грамоту на землю непрі«ятельскую, но не имѣемъ силы за«владѣть оною. Пойдемте съ мечемъ «и огнемъ за Каменный поясъ и по«коримъ Золотое Царство и нече«стиваго Кучума....»

«Идемъ въ Великую Пермь!» закричало нѣсколько голосовъ; но Ермакъ, замѣтя, что голосъ сей былъ необщій, сказалъ безъ всякаго негодованія и гнѣва:

« Если изъ васъ находятся таковые, которые несогласны со мною, пусть скажутъ свое мнѣніе, пусть представятъ свои доводы и опроверженія — я первый соглашусь съ ними, коли убѣдятъ меня. »

Мещерякъ, ободренный кротостію Ермака, съ безстыдствомъ выступилъ на сцену и, поклонясь также на всѣ стороны, сказалъ: « Мы всѣ увѣрены, что Ермакъ Тимофеевичъ поведетъ насъ туда, гдѣ лучше; но да позволитъ, представитъ, что многіе изъ дружины боятся пуститься въ столь отдаленный край, гдѣ слышно, ночи бываютъ по мѣсяцу, гдѣ звѣри и птицы отъ стужи на лѣту мерзнутъ. Больно оставить родину, страшно лечь костями въ снѣгу студеномъ! Другіе толкуютъ, что честнѣе служить Царю Кучуму, даромъ что онъ

бусурманской, чѣмъ Строгоновымъ. И гдѣ торговымъ людямъ воевать Царя сильнаго и храбраго? лучше бы имъ класть на счетахъ барыши, чѣмъ водить рать. Ты боишься Царя Московскаго отъ того, что худо знаешь положеніе дѣлъ его.

. . . . . .

. . . . . .

«Веди на Іоанна, умремъ за родину!» раздалось въ дружинѣ.

«Я вижу,» перебилъ Ермакъ, съ возрастающимъ жаромъ, «что тѣ, которые желаютъ брани противъ Іоанна, худо знаютъ Москалей. Русской никогда не подниметъ руки на своего Царя; онъ вытерпитъ отъ него всѣ несправедливости, всѣ обиды и жестокости, вѣруя, что злой Царь есть бичь, низпосланный Всевышнимъ въ наказаніе народа, и никая земная власть его судить не

можетъ, что Помазанникъ Божій одному Богу отдаетъ отчетъ въ волоскѣ, несправедливо сорванномъ имъ съ головы послѣдняго изъ рабовъ своихъ. А потому, повѣрьте, что Іоаннъ, не смотря на то, что упивается кровію своихъ подданныхъ, мучитъ ихъ, терзаетъ для потѣхи своей, не уважаетъ ни добродѣтелей, ни заслугъ, ни доблестей — тверже сидитъ на Престолѣ, чѣмъ Турецкій Султанъ послѣ каждаго набѣгу козаковъ на Азовъ. Повѣрьте, что къ намъ пристанутъ одни воры и разбойники.... Пора, братцы, оставить ремесло, противное Христіанству,» произнесъ Ермакъ съ чувствительностію и со слезами на глазахъ, «ремесло, нетерпимое ни въ какомъ Государствѣ, и если хотимъ искать опасностей; то поищемъ не без-

славныхъ. . . . Награды и почести, полученныя отъ признательности Царя и отечества, прочнѣе, благороднѣе. . . . »

« Остановись, остановись! Идемъ съ тобою въ Пермь, » закричали единодушно козаки. » Истина словъ Ермака тронула, проникла въ сердца грубыя, но еще нелишенныя угрызеній совѣсти (*).

Мещерякъ, видя неудачу свою, первый сорвалъ съ головы своей шапку и, кинувъ ее вверхъ, закричалъ: « Ура, Ермакъ Тимофеевичь, веди насъ въ Великую Пермь, на полночь, на край свѣта! »

Вся дружина единодушно послѣдовала примѣру хитраго Мещеряка,

(*) Ист. Р. Г. Карам. Т. IX. стр. 381.

шапки взлетѣли въ верхъ и раздалось громкое радостное ура! въ Великую Пермь! на Кучума!

Въ эту самую минуту упало къ ногамъ Ермака нѣчто огромное. Гроза и Кольцо схватились уже за мечи, подозрѣвая Мещеряка въ новой измѣнѣ, какъ внезапное появленіе Шамана обратило на него общее вниманіе. Уркунду съ незамѣтною доселѣ въ немъ важностію и достоинствомъ, подошелъ къ Ермаку и голосомъ пророческимъ съ разстановкою сказалъ: «Иди, Ер-
«макъ, иди на полуночь! Тебя при-
«зываютъ Боги отцевъ моихъ от-
«мстить нечестивцу, поругавшему-
«ся надъ чистымъ ихъ служеніемъ,
«замѣнившему жертвы, имъ пріятныя, безсмысленнымъ ученіемъ
«Алкорана. Смотри, у ногъ тво-

« ихъ лежитъ орелъ, поймавшій лу-
« каваго звѣря полуночныхъ лѣсовъ —
« черную лисицу. Такъ ты, именемъ
« Царя Московскаго, побѣдишь чер-
« наго Кучума и всѣхъ завистниковъ,
« и если Боги ниспошлютъ тебѣ му-
« дрость для избѣжанія сѣтей из-
« мѣны; то будешь свидѣтелемъ
« своей славы. . . .»

Произнеся послѣднія слова сіи, Шаманъ искалъ, казалось, взорами Мещеряка; но онъ, какъ будто по предчувствію, скрылся между тѣмъ въ толпѣ народа.

Событіе сіе принято было козаками за счастливое предзнаменованіе; ибо никто не замѣтилъ, какъ Шаманъ пустилъ стрѣлу въ орла, долго парившаго надъ курганомъ съ своею добычею. Во весь день лѣса

и горы вторили торжественное Ура! и восклицанія: на Кучума! на Кучума!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

5150 1